

П Р А В О

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

1901 г.

№ 29.

Воскресенье 15 Июля.

„Право“ издается въ С.-Петербургѣ подъ редакціей приватъ-доцента В. М. Гессена и Н. И. Лазаревскаго и при ближайшемъ участіи: *И. В. Гессена, О. О. Грузенберга, прив.-доц. А. И. Каминка, В. Д. Набокова, проф. Л. Г. Петражицкаго и прив.-доц. В. М. Устинова.*

Содержаніе: 1) Смѣшанныя системы университетскаго преподаванія Проф. Л. Г. Петражицкаго. — 2) Кандидаты на судебныя должности В. Н. Дьякова. — 3) Нѣмецкая литература частнаго права Проф. Берлинскаго унив. Р. Oertmann'a. — 4) Хроника. — 5) Новыя книги. — 6) Судебная практика: 3-е отдѣленіе гражданскаго кассационнаго департамента. — 7) Отвѣты редакціи. — 8) Справочный отдѣлъ.

РЕДАКЦІЯ (Дмитровскій пер., 6) открыта для личныхъ объясненій по пятницамъ отъ 12 ч. до 2 ч. дня.

Статьи, присылаемыя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности, исправленію и сокращенію. Статьи должны быть присылаемы за подписью автора, съ указаніемъ его адреса. Напечатанныя статьи возвращаются по представленіи надлежащаго количества марокъ за ихъ пересылку.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкой и пересылкой 7 руб., на полгода 4 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ 4 р. и къ первому мая 3 рубля. За границу за годъ — 10 руб. Отдѣльные нумера продаются по 20 коп.

За перемѣну адреса уплачивается: городскаго на иногородній 50 к., иногородняго на иногородній — 20 к.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА (Дмитровскій, 6) открыта отъ 11 час. до 3 час., кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней.

Смѣшанныя системы университетскаго преподаванія.

Для ознакомленія съ современнымъ движеніемъ въ пользу реформы университетскаго преподаванія и оцѣнки его не лишне остановиться на нѣкоторыхъ новѣйшихъ предложеніяхъ въ этомъ направленіи, требующихъ не полнаго упраздненія лекцій, а только частичной ихъ замѣны и комбинаціи съ иными приемами преподаванія¹⁾.

Наименѣе радикальны изъ предлагаемыхъ системъ тѣ, которыя даже сохраняютъ систематическое чтеніе лекцій въ теченіе цѣлаго учебнаго года и только значительно сокращаютъ число лекціонныхъ часовъ.

Такъ, напр., по мнѣнію А. Пиленко¹⁾, „при существованіи хорошихъ учебниковъ... желательнo, чтобы пассивныя лекціи были посвящены тѣмъ только вопросамъ, которые по самому своему существу способны въ высокой степени заинтересовывать слушателей. Такихъ вопросовъ въ каждой наукѣ — немного, и потому лекціи пассивныя должны быть сильно сокращены числомъ: максимальное ихъ количество не должно превышать 2—3 часовъ въ недѣлю на предметъ (а не шесть, какъ по дѣйствующему

уставу)... Все освободившееся, такимъ образомъ, время должно быть посвящено занятіямъ, въ которыхъ аудиторія принимала бы активное участіе. Занятія эти въ свою очередь должны распаться на двѣ категоріи. Во-первыхъ, провѣрочныя занятія, во время которыхъ преподаватель будетъ удостовѣряться (все равно, какимъ способомъ) въ томъ, что его слушатели дѣйствительно почитываютъ въ книгахъ тѣ отдѣлы, которые составляютъ дополненіе текущихъ лекцій. Во вторыхъ, чисто практическія занятія для примѣненія къ конкретнымъ казусамъ полученныхъ теоретическихъ свѣдѣній“.

Повидимому, авторъ предполагаетъ, что для контроля изученія по учебнику „тѣхъ отдѣловъ, которые составляютъ дополненіе текущихъ лекцій“ (точнѣе было бы съ точки зрѣнія автора сказать: всей системы науки, кромѣ развѣ тѣхъ „немногихъ вопросовъ“, которые въ качествѣ особенно интересныхъ составляютъ предметъ лекцій) могутъ существовать другіе рациональные способы, кромѣ задаванія уроковъ и спрашиванія. Но въ чемъ могутъ еще состоять „провѣрочныя занятія“, кромѣ или на ряду со спрашиваніемъ по рекомендованному „хорошему учебнику“, авторъ и въ другихъ мѣстахъ своей статьи не указываетъ.

Разсужденія автора о лекціонной системѣ, которыя приводятъ его къ сообщеннымъ практическимъ выводамъ, какъ и разсужденія другихъ „эклeктиковъ“ въ области системы уни-

¹⁾ Ср. мои статьи въ „Правѣ“ № 24—28 (о репетиціонной системѣ) и въ „Россіи“ № 746, 748, 750, 754, 755 (о практическихъ занятіяхъ въ тѣсномъ смыслѣ).

¹⁾ Прив.-доц. А. Пиленко, Книга и живое слово (Новое Время № 9063, 30-го мая 1901 г.).

верситетскаго преподаванія, не отличаются логическою послѣдовательностью.

Упомянувъ объ изобрѣтеніи книгопечатанія и появленіи, вслѣдствіе этого, конкурента лекціи въ видѣ учебника, авторъ затѣмъ такъ изображаетъ преимущества этого конкурента и недостатки лекцій, что послѣдовательнымъ выводомъ изъ этой аргументаціи было бы, повидимому, требованіе полной замѣны лекцій учебникомъ.

Такъ, онъ указываетъ, во первыхъ, на то, что „на лекціи студентъ принужденъ или слушать объясненія того, что онъ уже давно понималъ, или отвлекаться отъ лекціи, дѣлаться искусственно невнимательнымъ до тѣхъ поръ, пока тянутся эти объясненія, можетъ быть необходимымъ для его сосѣда“. Между тѣмъ „при нѣкоторомъ навыкѣ читать книгу, можно почти безошибочно угадывать, какіе абзацы (иногда строки) можно пропускать послѣ того, какъ предшествующее изложеніе уже понято и чтеніе дальнѣйшаго развитія мысли было бы излишнимъ“. Вообще, „книга болѣе индивидуально приспособлена, чѣмъ лекція“.

„Во вторыхъ..., изученіе по книгѣ требуетъ приблизительно въ пять разъ меньше времени, чѣмъ аудиторное слушаніе. При четырехъ часахъ въ недѣлю, т. е. при 100 часахъ въ годъ, профессоръ едва успѣетъ прочитать содержимое тома въ 500 страницъ убористой печати. А у себя дома студентъ прочитываетъ тотъ же томъ, при нѣкоторомъ искусствѣ, въ 16—20 часовъ“...

„Наконецъ не нужно забывать и того, что всякое вообще слушаніе лекцій является тяжелымъ трудомъ... У насъ вообще какъ то не отдаютъ себѣ отчета въ томъ, какую колоссальную затрату воли нужно произвести для того, чтобы выдержать эту пассивную роль (слушанія лекцій)... Я думаю слѣдовательно, что и съ этой точки зрѣнія лекціи уступаютъ книгамъ въ педагогической цѣнности: нѣтъ ничего вреднѣе, какъ приучать молодежь къ пассивности. Въ виду всего этого, я позволяю себѣ утверждать, что молодежь не такъ ужъ неправъ, не посѣщая лекцій“.

Мы, въ случаѣ согласія съ этой характеристикой лекцій и ихъ вреда (несоразмѣрная потеря времени—съ тяжелымъ трудомъ—и приученіемъ къ пассивности, какъ результатомъ), сказали бы: „не совсѣмъ ужъ неправы“ (т. е. вполне и очень правы) тѣ, которые не читаютъ лекцій или требуютъ полного упраздненія этого занятія, представляющаго лишнюю и вредную потерю времени.

Между тѣмъ авторъ говоритъ далѣе о необходимости бороться противъ непосѣщенія лекцій, при чемъ онъ только отвергаетъ (и остроумно осмѣиваетъ) примѣненіе мѣръ принужденія для этой цѣли. Его окончательный выводъ (съ которымъ долженъ согласиться всякій знающій и понимающій университетское

дѣло и цѣнящій достоинство университета и университетскаго преподаванія) гласитъ:

„Всѣ средства, направленныя къ увеличенію посѣщаемости лекцій и связанныя въ какой бы то ни было формѣ съ принужденіемъ, не достойны университета и чистой науки. Бороться противъ непосѣщенной необходимо, но бороться надо средствами менѣе паліативными, чѣмъ грубая сила“.

И съ послѣднимъ положеніемъ—о необходимости бороться противъ непосѣщенія лекцій разумными средствами, я въ высшей степени согласенъ, потому что я очень высоко цѣню лекціи, считаю ихъ не только не бесполезною или даже вредною тратой времени, а въ высшей степени цѣннымъ и даже необходимымъ элементомъ университетскаго преподаванія (какъ, очевидно, и авторъ въ этомъ мѣстѣ своей статьи).

Далѣе авторъ продолжаетъ:

„И я думаю, что задача молодыхъ университетскихъ преподавателей именно и заключается въ томъ, чтобы анализировать и отдавать себѣ ясный отчетъ, почему имѣютъ успѣхъ тѣ, къ счастью, многочисленные профессора, общіе ихъ учителя, которые до сихъ поръ сохранили секретъ умѣнія привлекать слушателей въ аудиторію. Чѣмъ они добиваются этого результата?“

Я крайне сожалѣю, что въ такомъ щекотливомъ вопросѣ я не могу назвать ни одного имени: съ одной стороны мнѣ пришлось бы назвать слишкомъ многихъ, а съ другой стороны—всякое перечисленіе неминуемо имѣло бы характеръ сужденія о неупомянутыхъ. Всякому знакомому съ нашей университетской жизнью (авторъ, очевидно, имѣетъ въ виду петербургскій университетъ, главнымъ образомъ или исключительно юридическій факультетъ) извѣстны тѣ имена, которыя я имѣю въ виду. И у этихъ то лучшихъ представителей высшаго преподаванія и нужно искать секрета, какъ сдѣлать лекцію интересною“ (т. е. вообще цѣнною, полезною, добавимъ отъ себя) „для слушателей“.

Я выписалъ весь этотъ пассажъ, потому что это золотыя слова. Несомнѣнно это такъ! Логика ясная и безукоризненная. Лекціи „къ счастью, многочисленныхъ профессоровъ“ цѣнятся и охотно посѣщаются студентами, соотвѣтственные науки живутъ въ университетѣ въ теченіе цѣлаго года, а не только въ экзаменное время (и распространяютъ свое вліяніе за предѣлами пространства университетскаго зданія и времени студенческаго періода жизни). Обычныя сужденія о безуспѣшности и негодности лекцій, какъ таковыхъ (въ томъ числѣ и предыдущія разсужденія автора), опровергаются фактами. Въмѣсто этого (нерезоннаго) приѣма обсужденія проблемы университетскаго преподаванія слѣдуетъ обратиться къ единственно резонному и подсказываемому фактами

пути: къ выясненію причинъ успѣшности лекцій тѣхъ профессоровъ, лекціи которыхъ именно успѣшны. Этимъ предопредѣленъ и научный методъ рѣшенія проблемы. Этотъ методъ долженъ, очевидно, состоять не въ общихъ дедуктивныхъ разсужденіяхъ на основаніи посылокъ, извлекаемыхъ изъ общихъ свойствъ процесса чтенія-слушанія лекціи въ отличіе отъ процесса чтенія учебника и т. п. (каковому методу слѣдуютъ обыкновенно какъ друзья „живого слова“, такъ и враги лекцій, придумывая въ добавокъ несуществующія или крайне преувеличивая существующія свойства¹⁾); правильный путь, очевидно, состоитъ въ различеніи лекцій и лекцій и въ индуктивномъ сопоставленіи и изученіи имѣющихся въ распоряженіи фактовъ для отысканія факторовъ, отъ которыхъ зависитъ великая успѣшность однѣхъ лекцій (напр. Фихте, Гегель, Савиньи и т. п.), средняя успѣшность другихъ, малая успѣшность третьихъ, абсолютная безуспѣшность четвертыхъ, и т. д. Подробности и правила подлежащаго метода (или методовъ: метода различій, метода сопутствующихъ измѣненій, метода сходства, метода остатковъ) описываются въ индуктивной логикѣ. При этомъ незначѣмъ ограничивать кругъ изучаемыхъ фактовъ петербургскимъ университетомъ или даже русскими университетами вообще—не только потому, что приходится изъ деликатности не называть именъ и конкретныхъ фактовъ, а и потому, что ненаучно было бы дѣлать выводы изъ скуднаго сравнительно количества фактовъ, можетъ быть осложненныхъ особыми условіями мѣста и времени, когда можно привлечь множество фактовъ изъ области разныхъ временъ, разныхъ университетовъ; когда въ частности можно воспользоваться и такими явленіями, какъ, напр., грандіозный успѣхъ лекцій Фихте, Гегеля (по философіи) или, напр., Савиньи, Вангерова (по рим-

¹⁾ Такъ, напр., А. Пиленко говоритъ, что профессоръ „при 100 часахъ въ годъ едва успѣетъ прочитать содержимое тома въ 500 страницъ убористой печати, а у себя дома студентъ прочитаетъ тотъ же томъ, при нѣкоторыхъ искусствахъ, въ 16—20 часовъ“, а поклонники лекцій говорятъ, что „лекція есть живое слово, которымъ можно въ часъ сообщить то, чего изъ книгъ не узнаешь и за годъ“. Порипатели лекцій говорятъ, что онѣ усыпляютъ мышленіе—друзья, что онѣ пробуждаютъ мышленіе, и т. д. Подобныхъ же сопоставленій можно было бы набрать не мало и изъ сужденій одного лагеря. Одни отвергаютъ лекціи потому, что слушаніе лекцій слишкомъ легкое, не требующее активныхъ усилій, дѣло, другіе потому, что это слишкомъ трудное, требующее слишкомъ большихъ усилій, дѣло. Приведенныя выше слова автора, что „слушаніе лекцій является тяжелымъ трудомъ“, требуетъ весьма интенсивнаго вниманія, „колоссальной затраты воли“ и т. п. и—пріучаетъ молодежь къ пассивности—тоже своеобразное сочетаніе, ибо „колоссальная затрата воли“, „тяжелый трудъ“ и т. д. скорѣе могутъ пріучать къ богатерской силѣ воли, къ колоссальной энергіи, и т. д.

скому праву—„скучный“ предметъ), равныхъ которымъ (напр. въ качествѣ матеріала для метода сопутствующихъ измѣненій) теперь не найти, пожалуй даже если пересмотрѣть всѣ теперешніе университеты¹⁾.

Чѣмъ обильнѣе и разнообразнѣе факты, въ частности чѣмъ болѣе рѣзкіе контрасты, въ томъ числѣ случаи успѣха лекцій, доходящаго до точки „кипѣнія“ аудиторіи, до величайшаго энтузіазма и воодушевленія, до духовнаго потрясенія и перерожденія людей, мы включимъ въ нашъ кругозоръ,—тѣмъ крѣпче выводы, тѣмъ лучше познаніе возможнаго значенія и успѣха лекцій и причинъ такихъ явленій. Между прочимъ, надлежало бы показать, что петербургскими, или даже теперешними русскими университетами вообще, именно нельзя ограничиваться при изученіи лекцій и ихъ значенія и успѣха—подъ страхомъ ошибки отнесенія насчетъ лекцій того, что коренится не въ лекціяхъ, а въ особыхъ явленіяхъ мѣстнаго и временнаго свойства. Впрочемъ, и безъ примѣненія методической и систематической индукціи намъ извѣстно и ясно, напр., то обстоятельство, что въ глазахъ русскаго студента (и общества вообще) въ новое время (и особенно въ новѣйшее) крайне упала престижъ университета и университетской кафедры вообще; а это необходимо должно весьма отрицательно вліять на успѣхъ университетскаго преподаванія, въ частности и на успѣхъ лекцій тѣхъ „общихъ учителей, которые до сихъ поръ сохранили секретъ умѣнія привлекать слушателей въ аудиторію“ (и вовлечь, по крайней мѣрѣ часть ихъ, въ науку вообще). Тѣ изъ нихъ, которые привлекаютъ въ аудиторію и заинтересовываютъ въ пользу своихъ лекцій и своей науки десятки, можетъ быть при нормальномъ положеніи университетовъ привлекали бы сотни,—а во всякомъ случаѣ ихъ лекціи сами по себѣ достойны значительно большаго успѣха и высшей оцѣнки, нежели та, которая фактически выпадаетъ на ихъ долю. Виновать въ этомъ въ значительной степени уставъ 1884 г., который необходимо дол-

¹⁾ Сколько въ послѣднее время приходится читать и слышать разсужденій, выводовъ и предположеній по университетскимъ вопросамъ, построенныхъ по типу: post hoc, ergo propter hoc! Это—именно хромающія индукціи, которыя сразу бы улетучились, если бы привлечь больше фактовъ для выводовъ; ошибка этого типа лежитъ, между прочимъ, и въ основаніи анти-лекціоннаго движенія. Вообще очень не хорошо и опасно для надлежащаго приговора и разработки предстоящей университетской реформы, что многіе склонны къ поспѣшнымъ и поверхностнымъ выводамъ на основаніи особыхъ мѣстныхъ данныхъ, а другіихъ университетовъ, для сравненія, и вообще иныхъ фактовъ, для проверки и углубленія выводовъ, не знаютъ или сохранили о нихъ слишкомъ давнія и смутныя воспоминанія.

жень былъ вести къ униженію и умаленію значенія университета и университетской каѳедры, особенно путемъ содѣйствія появленію на каѳедрахъ такихъ элементовъ, которые не въ состояніи поддержать престижъ каѳедры и науки, даже иногда людей, наукою совѣсть не интересующихся и къ научному дѣлу вообще неспособныхъ, или недоучившихся и никакого научнаго авторитета и значенія не имѣющихъ; усилили еще это паденіе нѣкоторыя причины новѣйшаго происхожденія (въ частности беспорядки и обстоятельства ихъ сопровождавшія); по моему же убѣжденію, паденіе университетовъ и престижа университетской каѳедры имѣлось бы на лицо и безъ ускоряющаго и усиливающаго вмѣшательства устава 1884 г. Оно бы происходило и при уставѣ 1863 г., который обильнаго притока силъ, возможности строгой сортировки и выбора достойнѣйшихъ изъ многихъ и ревностнаго занятія наукою со стороны кандидатовъ и избранныхъ уже на каѳедру—не вызывалъ и не могъ вызывать и поддерживать. Но это уже мое мнѣніе, отчасти идущее въ разрѣзъ съ общимъ мнѣніемъ, видящимъ въ уставѣ 1863 г. почти идеаль университетскаго устава, и это мнѣніе требуетъ особаго поясненія и обоснованія, которое я надѣюсь доставить впоследствии. Во всякомъ же случаѣ, и независимо отъ такого моего „особаго мнѣнія“, несомнѣнно то положеніе, что привлеченіе, напр., и явленій преуспѣвающихъ университетовъ, напр., германскихъ, и вообще умноженіе фактическаго матеріала и расширеніе индуктивнаго кругозора только можетъ способствовать успѣху изслѣдованія университетской проблемы. Но съ этою поправкою я вполнѣ принимаю путь изслѣдованія, указанный А. Пиленко, какъ единственно правильный путь отысканія свѣта относительно лекціонной системы университетскаго преподаванія и условій ея успѣха (т. е. удачности и успѣха университетовъ, какъ учебныхъ заведеній, вообще).

Но къ сожалѣнію самъ авторъ, намѣтивъ этотъ путь, вовсе не идетъ по нему, а совершаетъ логическій скачекъ въ сторону или въ противоположномъ правильному направленіи, я ужъ не знаю куда, чтобы вывести на сцену какъ *deus ex machina* различіе между нѣкоторыми, по его мнѣнію, особенно интересными и въ то же время трудными вопросами („такихъ вопросовъ въ каждой наукѣ—немного“), съ одной стороны, и всѣми прочими вопросами, съ другой стороны, и установить постулаты, что вся система науки должна быть предоставлена учебнику, а предметомъ лекцій должны быть эти избранные „немногіе“ вопросы, для чего достаточно, можетъ быть, одной лекціи въ недѣлю или еще меньшаго количества лекцій (минимума авторъ не называетъ), а „максимальное ихъ количество не должно превышать 2—3 часовъ въ недѣлю на предметъ (а не

шесть, какъ по дѣйствующему уставу)“. Въдѣ „общіе учителя“, „имѣющіе успѣхъ“, „сохранившіе секретъ“... не избраннымъ авторомъ секретомъ пользуются; они читаютъ не нѣсколько лекцій, посвященныхъ избраннымъ вопросамъ, максимумъ 2—3 часа въ недѣлю, а систематическіе курсы, причемъ нѣкоторымъ наукамъ посвящается не 6 годичныхъ лекцій, а значительно больше, ибо чтеніе продолжается больше года или дѣлится между двумя преподавателями. И, между прочимъ, читалось прежде и читается „общими учителями“ столько лекцій, сколько ихъ читается, не потому, чтобы это было предписано уставомъ (сообщеніе автора, что по уставу полагается по 6-и часовъ на каждый предметъ—ошибочно), а потому, что нельзя больше читать по каждой наукѣ безъ обремененія слушателей слишкомъ большимъ числомъ лекцій. Если по какой наукѣ читается шесть годичныхъ лекцій (или еще меньше, напр., 5, 4, 3), то именно потому, что, какъ ни желательно увеличеніе ихъ числа, приходится ограничиваться въ виду многихъ другихъ важныхъ наукъ. И это скажетъ автору каждый любящій и уважающій свою науку и свое профессорское дѣло профессоръ, особенно же тѣ, которые обладаютъ искомымъ „секретомъ“ успѣха лекцій. Во всякомъ же случаѣ по тому пути изслѣдованія, который столь удачно намѣтилъ авторъ, онъ бы никогда не могъ придти къ тому открытію, которое онъ сдѣлалъ, — просто потому, что секретъ успѣха лекцій „къ счастью многочисленныхъ“ профессоровъ долженъ состоять въ томъ, что они дѣлаютъ, а не въ томъ, чего они вовсе не дѣлаютъ.

Путь изученія фактовъ даетъ только очевидное и несомнѣнное опроверженіе, а никоимъ образомъ не подтверженіе теоретическихъ мыслей и практическихъ предложеній автора.

Между прочимъ, подѣ наиболѣ интересными и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣ сложными и трудными вопросами авторъ разумѣетъ „общіе вопросы о сущности, цѣли и методахъ науки, о ея роли въ общей схемѣ человѣческаго знанія и объ основныхъ ея послылкахъ“. Эта часть является наиболѣ интересною и въ то же время наиболѣ трудною для пониманія и для изложенія: ее можно назвать частью методологическою, ибо въ ней играетъ наиболѣ важную роль вопросъ, какъ изложить данную проблему“ (авторъ, вѣроятно, хотѣлъ сказать: какъ ставить и путемъ какихъ научныхъ приемовъ рѣшать проблемы данной категории, ибо, конечно, не въ „изложеніи“ дѣло въ научной методологіи).

Не мнѣ спорить противъ мысли автора о важности, интересности и трудности этихъ методологическихъ проблемъ. Доказательству важности и разработкѣ этихъ проблемъ въ об-

ласти юридических наук посвящены все мои научные труды и силы ¹⁾.

Отсутствие методологической сознательности в области правопонимания и обычное незнание юристами с научной методологией, а равно отсутствие интереса к методологическим проблемам их наук и почти полное отсутствие соответственных исследований — представляются мне основным недостатком и проблемой этих наук; ближайшей и существенной задачей нашего поколения представляется мне методологический пересмотр постановки юр. наук и выполнение этого именно проблема науки о праве вообще.

Но, несмотря на всю мою приверженность именно к проблемам, названным автором, и радость по поводу возведения их с его стороны, я все таки считаю долгом высказаться здесь против возведения их в единственную или даже главный предмет университетских чтений. Я даже не советую посвящать им скольконибудь значительной части общих лекционных курсов по университетским наукам.

Между прочим, я в начале своей преподавательской деятельности так увлекался этими проблемами и в лекциях, что посвящал специально методологическому „Введению“ (в общем смысле совокупности проблем, указываемых автором), положив, не все лекции, но все таки около трети времени. Но по мере преподавательского опыта я с каждым годом сокращал эту часть курса

¹⁾ Основная цель моих немецких монографий — не в решении специальных проблем, а в доказательстве возможности и необходимости создания науки политики права и в выработке основных посылок и научного метода для решения вопросов законодательной политики. В сочинениях и статьях на русском языке сверх этих проблем имеется в виду надлежащая постановка догматики права, очищение догматики от искажений, внесенных т. н. практическо-догматическою школою, теорией „интересов“ (Ihering), выяснение связи юридико-догматического метода с идеей законности и необходимости соблюдения чистоты этого метода, в частности гонимой и осмиваемой в последнее время под влиянием учений Иеринга „юр. логики“ и „конструктивизма“ со стороны толкующих и применяющих право, как важного условия материального и духовного благосостояния и прогресса народа. Главная цель сочинений по теории права: развить, обосновать и применить к решению подлежащих проблем психологическую точку зрения и соответственный метод. Главная цель историко-юридических исследований, разъясненных между правдо-политическими: доказать, что проблем истории права нельзя (подобно Иерингу) объяснять сознательно-цельным творчеством правоздателей, а равно и развитием т. н. „социальной материи“ (исторический материализм, марксизм), а что дело идет об эмпирически-безсознательном приспособлении норм и порядка общества (в качестве добавочной, необходимой для нормальной общественной жизни, мотивации) к массовой психике, в частности к достигнутому этическому уровню народа, и т. д.

в пользу менее абстрактных, материальных (в отличие от формальных, методологических) проблем моей науки и все еще дальше иду в сокращении этой части курса, как я сам ни люблю эти именно проблемы; я предполагаю даже со временем низвести ее в общем курсе до возможно кратких, совсем уж не могущих быть выброшенными общими определениями и пояснениями, а объявить вместо этого специальный методологический курс для особенно образованных (в частности в области философии, логики и научной методологии, но и в области материального содержания юр. наук) студентов с приглашением и „оставленных при университете“, буде кто из них пожелает прийти послушать; — ибо только такие, уже образованные юристы, обладающие еще и известным минимумом образования в области гносеологии, общей логики и общей научной методологии, обладают надлежащей подготовкой для оценки и вполне сознательного усвоения этих проблем, составляющих для других в существе дела науку о неизвестной им еще науке. Прежде нужно ознакомиться с материальным содержанием самой науки, а потом уже делаются интересными и понятными рассуждения об этом, по крайней мере хоть в общих чертах, уже знакомом предмете.

Поэтому я думаю, что не только мои первые опыты именно в рекомендуемом автором направлении были неудачны (мне известно, что некоторые отчаявались и отставали за невозможностью слѣдить), но что и другие преподавательского успеха на этой почве не достигли бы.

Что же касается „общих учителей“ и их „секрета“, то и по давности можно ручаться, что он кроется не в „методологической части“; в этом наглядно убеждает содержание печатных руководств по разным юридическим наукам, не только т. ск. среднего типа учебников по юр. наукам, но даже и наиболее знаменитых руководств наиболее авторитетных юристов и первых светилах наших наук. Методологическая часть здесь обыкновенно блещет полным и абсолютным отсутствием, так что приходится развить удивляться инстинктивному научному такту и врожденному таланту этих ученых, обыкновенно вовсе не разуждающих о приемах мышления, о надлежащей постановке и научных методах решения их проблем и т. д. и тем не менее инстинктивно удачно или даже гениально мыслящих и решающих подлежащих материальных проблем. Иногда же приходится скорбеть о неразвитости методологической части и думать, сколь еще больше крупных и ценных результатов они бы достигли, при их эрудиции и таланте, если бы наши науки обладали развитым методологическим базисом.

Въ указаніяхъ автора заключается зерно истины по столько, поскольку дѣло идетъ о томъ, чтобы не наполнять лекцій матеріаломъ для памяти и запоминанія, а не для ума и мышленія. Конечно, нелѣпо было бы посвящать лекціи перечисленіямъ разныхъ исключеній (въ родѣ: много есть именъ на *is masculini generis* и т. д.), цифръ, именъ и т. п. Для сего предназначается особаго рода занятіе, состоящее въ многократномъ повтореніи для запоминанія и именуемое на учебномъ жаргонѣ зубристикомъ (между прочимъ, занятіе, въ извѣстной мѣрѣ необходимое и въ университетѣ, но, конечно, невозможное во время лекціи). Лекція есть громкое мышленіе, а не громкое долбленіе. Но это, конечно, не составляетъ „секрета“ нѣкоторыхъ только профессоровъ, а представляетъ общеизвѣстную и само собою разумѣющуюся истину. Впрочемъ, я готовъ признать, что напомнить ее нѣкоторымъ университетскимъ преподавателямъ, можетъ быть, не было бы лишнимъ дѣломъ; но это напоминаніе имѣло бы скорѣе характеръ не сообщенія новой истины, а обращенія къ чувству долга; оно имѣло бы смыслъ требованія не избавлять себя отъ труда старательнаго приготовленія къ лекціямъ путемъ чтенія своего учебника или писанной или печатной компиляціи изъ чужихъ учебниковъ.

Что же касается вопросовъ, дающихъ пищу для ума и мысли и, слѣдовательно, для университетскихъ лекцій, то ихъ, можно сказать, въ тысячу разъ больше, нежели количество методологическихъ вопросовъ; въ каждой наукѣ ихъ такъ много, что не только 6, а и 36 лекцій въ недѣлю ими по каждой наукѣ можно было бы заполнить съ успѣхомъ, если бы не конкуренція другихъ наукъ и необходимость ограниченія. И „интересныхъ“ и „трудныхъ“ проблемъ въ каждой наукѣ—безчисленное множество. Наука вообще не различаетъ „интересныхъ“ и „неинтересныхъ“ проблемъ. Кто не интересуется данною наукою, напр., тѣ слушатели, которыхъ профессору не удалось не только воодушевить, но и просто заинтересовать въ пользу своей науки, тому она вообще неинтересна, кто же полюбилъ данную науку, тому всякая истина, даже и очень малая, интересна и дорога.

Говорятъ про нѣкоторыя науки, что онѣ неинтересны. „Что можетъ быть скучнѣе пандектовъ“! Такіе и т. п. комплименты приходится слышать съ разныхъ сторонъ по адресу науки римскаго гражд. права. Однако же есть ученые, которые всю жизнь съ воодушевленіемъ этой наукѣ посвящаютъ и студентовъ ею увлекаютъ.

Я ужъ не говорю о такихъ корифеяхъ романизма, какъ, напр., Савиньи, но очень интересно, даже положительно трогательно слышать рассказы представителей старшаго поколѣнія, „общихъ учителей“, о лекціяхъ Вангерова

по римскому праву. Они даже теперь входятъ въ азартъ и энтузіазмъ, когда затронуть эту тему. Вангеровъ, между прочимъ, крупный романистъ, но онъ читалъ именно римское право, а не методологію романистической науки (таковой вообще не существуетъ, а методологія цивилистики вообще—и теперь скорѣе отсутствуетъ, чѣмъ присутствуетъ). Характерно и интересно, что онъ начинаетъ предисловіе къ своему „Lehrbuch der Pandekten“ рѣшительнымъ протестомъ противъ фрагментарнаго чтенія лекцій. Не избранныя части и матеріи, „а вся система науки, какъ единое цѣлое, въ органической связи, должна быть представлена слушателямъ“ (*nicht bloss fragmentarisch... sondern das Ganze des Systems in seinem organischen Zusammenhange den Zuhörern zur Anschauung bringe*). Это онъ считаетъ „существеннымъ условіемъ“ (*wesentliches Erforderniss*) общаго лекціоннаго курса, приписывая при этомъ „живому слову вполне стоящаго на уровнѣ своей науки (вполнѣ владѣющаго ея содержаніемъ) учителя величайшее значеніе“ (*von der höchsten Bedeutung*), при соблюденіи указаннаго требованія. Дальнѣйшимъ условіемъ успѣха и пользы лекціоннаго (устнаго) курса науки пандектнаго права онъ выставляетъ требованіе, чтобы „слушателямъ доставлялись изслѣдованія, углубляющіяся и въ тончайшія детали“ (*Es muss aber eine Pandekten-Vorlesung, wenn sie ihren Zweck vollständig erreichen will, dem Zuhörer auch Untersuchungen vor Augen legen, die in das feinste Detail eingehen*). Въ пользу этого положенія, съ которымъ я тоже вполнѣ согласенъ, онъ, между прочимъ, указываетъ на то, что именно этимъ путемъ лучше всего „создается и оживляется юридическое чутье у слушателей“ (*Erweckung und Belebung des juristischen Sinns der Zuhörer*).

Совсѣмъ далекъ былъ отъ мышленія о методологическихъ вопросахъ умершій недавно учитель молодого поколѣнія нашихъ романистовъ—Эккк. И особымъ творческимъ талантомъ онъ даже не отличался, но зато отличался *большою* эрудиціей (приобрѣтенною и поддерживаемою, конечно, большимъ трудомъ), большимъ научнымъ критическимъ тактомъ и смысломъ, а главное большою любовью и преданностью своему дѣлу; читалъ онъ не одну или двѣ лекціи въ недѣлю, а обычное количество часовъ, и аудиторія всегда бывала полная, успѣхъ лекцій огромный, значительно большій, чѣмъ у многихъ профессоровъ, читающихъ т. н. „интересныя“, напр., теперь модныя, науки, политическую экономію и т. п. Между прочимъ, и онъ очень любовно относился къ детальной отдѣлкѣ (отнюдь не превращая этимъ лекціи въ устное справочное изданіе). Въ этой детальной очень тщательной разработкѣ (въ особенности, напр., наследственнаго права) собственно и заключалось главное преимущество и главная сила и прелесть его

лекцій (въ болѣ крупныхъ и общихъ проблемахъ онъ былъ не такъ силенъ).

Какъ бы то ни было, секретъ успѣха университетскаго преподаванія, т. е. лекцій, не въ сокращеніи ихъ числа (такой совѣтъ рационаленъ только по адресу не имѣющихъ успѣха профессоровъ) и отнюдь не въ сведеніи ихъ къ нѣкоторымъ наиболее „интереснымъ“ проблемамъ; и подавно не въ сведеніи къ проблемамъ методологическаго свойства (доступнымъ и интереснымъ главнымъ образомъ для ученыхъ, да и то не всѣхъ).

Между прочимъ, и то основаніе, которое авторъ приводитъ въ пользу посвященія лекцій специально методологической части науки, вовсе не соответствуетъ выводу. А именно, по этому вопросу авторъ сообщаетъ слѣдующее:

Методологическую часть „необходимо излагать устно. Общія проблемы всякой науки настолько сложны и трудны для неподготовленного пониманія, что ихъ нужно излагать съ кафедръ, широко пользуясь всѣми тѣми средствами для наиболее яркаго изображенія, которыми располагаетъ ораторъ, ничѣмъ не стѣсненный въ своей рѣчи. Всѣ эти трудныя проблемы надо изобразить въ выпуклой формѣ, дѣйствующей на воображеніе—и слѣдовательно въ этой области книга не можетъ конкурировать съ живымъ словомъ, не будучи въ состояніи давать столь же яркіе образы. Но совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло съ частью энциклопедической. Оратору тутъ дѣлать нечего“.

Я не согласенъ съ отождествленіемъ университетской лекціи съ произведеніемъ ораторскаго искусства, а профессора съ ораторомъ, и не вижу задачи лекціи въ томъ, чтобы она „дѣйствовала на воображеніе“, давала „яркіе образы“ и т. п.; но допустимъ условно, что авторъ правильно характеризуетъ научную лекцію и ея задачу; развѣ отсюда вытекаетъ какой либо аргументъ въ пользу методологической части; совсѣмъ напротивъ, это—проблемы, именно по существу своему исключаютъ не только „дѣйствіе на воображеніе“ и „яркіе образы“, но вообще всякіе образы. Это наиболее абстрактная область науки, она находится въ наибольшей коллизіи съ „дѣйствіемъ на воображеніе“ и т. д. Скорѣе изъ приведенной характеристики смысла лекцій можно вывести наибольшую пригодность ихъ для описанія конкретныхъ явленій, предметовъ, событій, эпохъ и т. п.

Значительно далѣе, въ дѣлѣ сокращенія лекціоннаго элемента въ университетскомъ преподаваніи, нежели А. Пиленко, котораго, пожалуй, въ концѣ концовъ скорѣе можно причислить къ друзьямъ лекціонной системы, нежели къ противникамъ, идетъ проф. Казанскій. Послѣдній совершенно исключаетъ системати-

ческие лекціонные курсы и рекомендуетъ вмѣсто нихъ совсѣмъ иную систему прохожденія общихъ курсовъ университетскихъ наукъ¹⁾. Что касается лекцій, то онѣ допускаются по его системѣ только въ качествѣ т. ск. hors d'oeuvre, для возбужденія аппетита предъ настоящей трапезой или и между настоящими plats:

„Прежде всего небезполезно, сообщаетъ онъ—тоже въ видѣ закуски предъ изложеніемъ предлагаемой имъ системы,—чтобы профессоръ, приступая къ занятіямъ со своими слушателями, произнесъ передъ ними рѣчь, или даже двѣ-три рѣчи, въ которыхъ сдѣлалъ бы общую характеристику своего предмета, стараясь раскрыть внутренній духъ, основныя начала и главное содержаніе его и показавъ его привлекательныя и полезныя стороны... Подобная рѣчь будетъ произнесена съ увлеченіемъ и познакомитъ присутствующихъ какъ съ предметомъ, за который они берутся, такъ и тѣмъ лицомъ,—что также важно,—которое съ ними будетъ заниматься. Заявленія лица, посвятившаго жизнь на служеніе наукѣ, должны оказать воспитывающее, побуждающее къ труду и къ истинѣ, впечатлѣніе на слушателей. Извѣстно, какъ важно знать лично того, чьи сужденія мы изучаемъ. Фигура его, стоящая передъ нами, объяснить намъ многое, что безъ этого не было бы понятно“ (стр. 43).

Между прочимъ, если бы не знать уничтожающей критики лекціонной системы, содержащейся въ первой части брошюры проф. Казанскаго (стр. 15 и сл.), то можно было бы подумать, что онъ величайшій другъ лекцій, склонный приписывать имъ не только дѣйствительныя и возможные хорошія свойства, но и (вслѣдствіе крайняго увлеченія въ пользу лекцій) невозможныя и даже невысказанныя. Оказывается, что двѣ-три или даже одна лекція, т. е. 120 или даже 40 минутъ (такова обычная продолжительность у насъ лекцій) устнаго чтенія могутъ доставить слушателямъ „общую характеристику“ науки, „раскрыть имъ внутренній духъ, основныя начала и главное содержаніе“ науки, да еще сверхъ всего этого „показать привлекательныя и полезныя стороны“ данной науки. Если даже считать, напр., по одной минутѣ на одну характерную черту данной науки, напр., 10 минутъ на характеристику науки, тоже десять минутъ на „раскрытіе внутренняго духа науки“, по одной минутѣ или даже по секундѣ на каждое „основное начало“, напр., тоже десять минутъ на всѣ основныя начала, еще десять минутъ на прочее „главное содержаніе“ науки, и то ужъ не осталось бы времени на „показаніе привле-

¹⁾ П. Казанскій, къ вопр. о постановкѣ преподаванія на юр. фак. 1901 г., ср. стр. 13: „будетъ имѣть интересъ не только для юридическаго, но и для другихъ факультетовъ“.

кательныхъ и полезныхъ сторонъ“. Очевидно, авторъ приписываетъ лекціи болѣе чудодѣйственную силу, нежели, напр., „раскрытіе внутренняго духа науки“ въ 10 минутъ. Положимъ, онъ приписываетъ великую объяснительную силу „фигурѣ, стоящей передъ нами“, она „объяснитъ намъ многое, что безъ этого не было бы понятно“. Но все таки, даже если, напр., считать такъ, что во время раскрытія половины внутренняго духа науки путемъ лекціи, вторую половину этого внутренняго духа успѣваетъ раскрыть фигура (путемъ быстрой пантомимы или какъ либо иначе), или на каждое словесно объясненное основное начало науки приходится не менѣе одного, объясненнаго фигурой, то все таки трудно себѣ представить столь быстрое и чудесное дѣйствіе лекціи, какъ его описываетъ почтенный авторъ.

Болѣе естественно и понятно, если авторъ, допуская возможность еще нѣсколькихъ лекцій въ антрактахъ при прохожденіи курса по иному методу, приписываетъ лекціямъ слѣдующее цѣнное и важное вліяніе: „Нѣсколько рѣчей, произнесенныхъ во время прохожденія курса науки, необходимы для поддержанія въ слушателяхъ энергіи въ занятіяхъ, для передачи имъ бодрого отношенія къ ученію и для укрѣпленія нравственнаго вліянія на нихъ учащаго. Всего важнѣе при этомъ насажденіе въ нихъ любви къ труду, стремленія къ истинѣ, возбужденіе въ слушателяхъ чувства логичности мышленія... непримиримости съ противорѣчіями, или чувства ясности и послѣдовательности мысли“ (стр. 43). Но только эти прекрасныя слова, къ которымъ я съ удовольствіемъ и вполнѣ присоединяюсь, плохо мирятся съ требованіемъ устраненія систематическихъ лекцій и допущеніемъ только начальной одной рѣчи или двухъ-трехъ—и нѣсколькихъ рѣчей внѣ всякой системы въ теченіе прохожденія курса. Развѣ то чувство „стремленія къ истинѣ“, „непримиримости съ противорѣчіями“, „чувство ясности и послѣдовательности мысли“, которое авторъ совершенно правильно считаетъ своимъ долгомъ профессора внушать слушателямъ своими лекціями, не подсказало ему, что здѣсь у него явное противорѣчіе, а во всякомъ случаѣ о „послѣдовательности мысли“ не можетъ быть и рѣчи; не говоря уже о томъ, что описаніе по истинѣ чудесныхъ силъ лекціи въ области „раскрытія“ внутренняго духа, основныхъ началъ и т. д., вообще въ области выясненія и сообщенія знаній, а равно и прекрасныхъ свойствъ ихъ въ области научной этики, любви къ научному труду, стремленія къ истинѣ и т. п.,—находится въ поразительномъ противорѣчій съ тѣмъ, какъ въ его же брошюрѣ (стр. 15-22) описываются лекціи и ихъ бесполезность и даже вредность. Тамъ у него лекціи „не давая знанія, не даютъ и воспитанія“, а насаждаютъ только „любовь къ громкому слову, къ красивой фразѣ, къ поверхностному отно-

шенію къ вопросамъ серьезнымъ и труднымъ“, „должны убивать способность къ упорному самостоятельному труду и мышленію“; тамъ даже оказывается, что невозможна вообще научность лекцій: („Если профессоръ читаетъ общедоступно, преподаваніе перестаетъ быть высшимъ, если чтеніе носитъ дѣйствительно научный характеръ, оно не по силамъ учащихся“ Стр. 17). Развѣ эти отрицательныя свойства лекцій превратятся въ противоположныя положительныя качества вслѣдствіе того, что вмѣсто методическаго и систематическаго чтенія избирается отрывочное и безсистемное?

(Продолженіе слѣдуетъ).

Л. Петражицкій.

Кандидаты на судебныя должности.

(Окончаніе ¹⁾).

III.

Изложенные нами недостатки новаго закона о кандидатахъ въ связи съ другими условіями еще болѣе ухудшили положеніе кандидатовъ и въ концѣ концовъ обратили этотъ „разсадникъ судебныхъ дѣятелей“ въ „Илотовъ“ или какъ ихъ еще называютъ „Паріевъ судебного вѣдомства“. Какая жалкая иронія судьбы! Въ началѣ столько надеждъ и въ результатѣ такое разочарованіе!

Кто самъ не былъ въ кандидатской шкурѣ, тотъ врядъ ли можетъ себѣ представить дѣйствительное ихъ положеніе и понять тѣ горькія чувства, которыя они почти постоянно испытываютъ. Вступая, полный надеждъ, въ храмъ Феиды, онъ, злополучный кандидатъ, весьма скоро окончательно разочаровывается и если не покидаетъ своего храма, то только потому, что не находитъ другого убѣжища. Въ наше время тяжелой и сложной борьбы за существованіе, нечего удивляться и негодовать на то, если молодые люди, прямо со школьной скамьи, поступая въ ряды кандидатовъ, забываютъ истинное свое назначеніе и на первомъ планѣ ставятъ вопросы матеріальнаго вознагражденія. Этимъ и ничѣмъ другимъ объясняется стремленіе большинства кандидатовъ какъ можно скорѣе пристроиться къ какой либо должности. Въ этой лихорадочной погонѣ за металломъ, въ ущербъ другимъ лучшимъ человѣческимъ стремленіямъ, нѣтъ пожалуй правыхъ, но нѣтъ и виноватыхъ: сама жизнь выдвигаетъ такіе вопросы и требуетъ, подъ угрозой полной нужды и лишеній, немедленнаго разрѣшенія.

Обиженные закономъ и забытые людьми молодые кандидаты одиноко борются за свое существованіе и на первыхъ же порахъ жизни испытываютъ всѣ ея невзгоды. Очень немногимъ младшимъ кандидатамъ при вступленіи на службу удается весьма скоро занять ту или другую платную должность, большинство же изъ нихъ въ теченіе года и больше существуетъ тѣми крохами, которыя именуются пособіями. Какое странное совпаденіе! Правительство, назвавъ кандидатское вознагражденіе „пособіемъ“ и уравнивъ ихъ въ этомъ

¹⁾ См. Право № 28.

отношеніи со вдовами и сиротами, какъ будто само подчеркнуло фактъ крайней нужды, необеспеченности и беззащитности кандидатовъ. Обыкновенно такіе кандидаты живутъ больше въ кредитъ и, такъ сказать, на порогѣ своей высокой дѣятельности по судебному вѣдомству знакомятся со всѣми прелестями долговъ. Вслѣдъ за рядами младшихъ слѣдуютъ старшіе безъ окладовъ кандидаты, положеніе которыхъ мало чѣмъ отличается отъ младшихъ. Большинство изъ нихъ также существуетъ на ничтожныя средства и нуждается въ пособіяхъ. Служебное положеніе кандидатовъ также жалко, шатко и неопредѣленно, какъ и матеріальное. Многимъ изъ нихъ долгіе годы (6—7 л.) приходится ожидать, какъ манна небесная, слѣдовательской должности и за это время испытать всѣ превратности судьбы униженныхъ и оскорбленныхъ.

Какъ живетъ вообще кандидатъ, что получаетъ, въ чемъ терпитъ и на что рассчитываетъ, этимъ мало того, что въ судѣ никто не интересуется, но, повидимому, даже не желаетъ интересоваться, какъ вопросомъ неважнымъ и недостойнымъ вниманія. Кандидата зовутъ къ себѣ, распекаютъ, даютъ наставленія лишь тогда, когда на него возложена какая либо отвѣтственная работа, и начальству нужно самому давать въ ней отчетъ вверху по іерархической лѣстницѣ. Полное равнодушіе и пренебреженіе къ судьбѣ и положенію кандидатовъ въ обыкновенное время смѣняется олимпийскимъ высокомеріемъ и обидно-менторскимъ отношеніемъ, когда приходится имѣть съ ними дѣло по службѣ.

Больше всего въ такихъ случаяхъ достается имъ отъ товарищей-прокуроровъ—этихъ баловней судьбы, которые при каждомъ удобномъ случаѣ, въ порядкѣ такъ называемаго надзора за кандидатами при исполненіи ими служебныхъ обязанностей, главнымъ образомъ судебныхъ слѣдователей, стараются показать передъ ними свою власть и внушить къ себѣ и своимъ словамъ непрекословное вниманіе и уваженіе. Представляя изъ себя особую касту въ судѣ, прокуроръ и его товарищи зорко отстаиваютъ прерогативы своей власти и въ общемъ ходѣ дѣлъ оказываютъ огромное влияние на судьбу кандидатовъ. Положеніе послѣднихъ становится совершенно невыносимымъ, если между судомъ и прокуратурой обнаруживается антагонизмъ и судъ старается „провалить“ прокурорскихъ, а прокуратура—судейскихъ кандидатовъ. „Не подлежитъ никакому сомнѣнію, говорить по этому поводу въ своей брошюрѣ о кандидатахъ Н. В. Муравьевъ *), что такой порядокъ вещей, если только онъ гдѣ либо существовалъ или существуетъ, заслуживаетъ самаго строгаго, самаго безошаднаго осужденія. Вымещать на неповинныхъ и беспомощныхъ молодыхъ людяхъ свои мелкіе, личные счеты и свое раздраженное чиновничье самолюбіе самаго низкаго разбора, приносить ему въ жертву интересы дѣла и самой элементарной человѣческой справедливости—это до такой степени предосудительно и недостойно не только члена магистратуры, но и просто порядочнаго человѣка, что

хотѣлось бы не сомнѣваться въ невозможности такихъ фактовъ среди русскаго судебного сословія, по крайней мѣрѣ, на будущее время, когда его нравственный и умственный уровень еще болѣе возвысится, и оно будетъ ясно сознавать сущность и высоту своего призванія“. Дай Богъ, чтобы въ недалекомъ будущемъ такіе факты не имѣли бы большаго мѣста въ нашихъ судахъ, но пока они, къ сожалѣнію, еще существуютъ и объ этомъ нерѣдко свидѣтельствуютъ обиженные кандидаты. Примѣры гуманнаго отношенія къ кандидатамъ въ нашихъ судахъ настолько рѣдки, что о нихъ если и приходится говорить, то только для того, чтобы еще болѣе отъбнить несправедливое отношеніе магистратуры къ большинству.—Здѣсь кстати нужно замѣтить, что счастливыми изъ кандидатовъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ бывають тѣ, которые имѣютъ сильную протекцію. Положеніе послѣднихъ въ судѣ совершенно исключительное и не имѣетъ ничего общаго съ судьбою огромнаго большинства кандидатовъ, надбюющихся единственно на столь часто ихъ обманывающую протекцію здоровыхъ рукъ и головъ. Многочисленные факты изъ практики нашихъ судовъ неопровержимо свидѣтельствуютъ о томъ, что значительная доля вины за неудачи кандидатовъ на жизненномъ и служебномъ поприщѣ должна пасть на нашу магистратуру, которая никогда почти не оцѣниваетъ ихъ трудовъ по заслугамъ и не считаетъ даже нужнымъ помочь имъ въ тяжелыя минуты.—Стоитъ только повнимательнѣе прислушаться къ мнѣніямъ и сужденіямъ, высказываемымъ магистратурой о кандидатахъ, оцѣнить всѣ тѣ побужденія и принципы, на которыхъ очень часто эти сужденія основываются, чтобы понять, какая участь ожидаетъ большинство изъ нихъ при современномъ положеніи кандидатскаго вопроса. Никто почти изъ членовъ магистратуры не знаетъ своихъ кандидатовъ: ихъ способностей, индивидуальныхъ особенностей и недостатковъ, и когда по необходимости приходится разсуждать о нихъ въ общихъ собраніяхъ или распорядительныхъ засѣданіяхъ, коллегія рѣшаетъ обыкновенно на основаніи заявленій одного или двухъ членовъ собранія. Вопросы, подлежащіе рѣшенію такихъ собраній, чаще всего касаются ошибокъ или промаховъ, но никогда почти не бываетъ такъ, чтобы коллегія обсуждала тотъ или иной вопросъ о кандидатахъ по личному, добровольному почину ради удовлетворенія ихъ нуждъ и желаній.—Идти на встрѣчу послѣднимъ въ нашихъ судахъ не принято считается по всей вѣроятности дѣломъ излишнимъ и не важнымъ. За то при разборахъ кандидатскихъ ошибокъ по службѣ ни судъ ни прокуратура обыкновенно не останавливаются ни предъ какими отрицательными сужденіями, какъ бы нарочно желая этимъ подчеркнуть то, что у сильнаго всегда безсильный виноватъ, и если кандидатъ, по справедливости, не заслуживаетъ порицанія, ему какъ безправному чиновнику всетаки сдѣлають выговоръ и предпишутъ строго настрого впредь не ошибаться. Если же иногда случается, что кандидата за что либо поощряютъ и погладятъ по головкѣ, объ этомъ всѣ начинаютъ говорить какъ о безпримѣрномъ и высокомъ благодѣяніи, такъ что постороннему зрителю можетъ даже показаться, будто и въ самомъ дѣлѣ кандидатъ получилъ не по заслугамъ

*) Кандидаты на судебныя должности Н. В. Муравьевъ стр. 16—17.

и поэтому долженъ цѣнить высокія добродѣтели магистратуры.

Можно было бы еще многое сказать о жалкомъ положеніи кандидатовъ на судебныя должности и объ отношеніяхъ къ нимъ чиновъ магистратуры, но это, конечно, ничуть не измѣнило бы въ данномъ вопросѣ того окончательнаго вывода, что всѣ недостатки условій кандидатской службы и существованія какъ прежде такъ и теперь заключаются въ крайней шаткости, неопредѣленности, случайности, въ просторѣ произволу и личнымъ вкусамъ, въ отсутствіи твердаго и яснаго критерія, и возникли они вслѣдствіе недостатковъ этого института, подъ давленіемъ бюрократической среды.

Поступая изъ университетовъ на службу по судебному вѣдомству въ ряды кандидатовъ, наша молодежь сразу переходила въ атмосферу вліяній и воздѣйствій чиновничьей среды съ ея, въ большинствѣ случаевъ эгонистическими, мелочными интересами, карьеризмомъ и нерѣдко полнымъ равнодушіемъ ко всему; что выходило изъ рамокъ формальнаго служебнаго долга. Подъ вліяніемъ этихъ недостатковъ беззащитные кандидаты постепенно и незамѣтно измѣнялись и приспособлялись къ формамъ и содержанию бюрократическаго режима. Давленіе среды и неблагоприятныхъ условій существованія оказывались настолько сильными, что только исключительныя натуры изъ кандидатовъ не слѣдовали за преобладающимъ теченіемъ и до конца боролись съ господствующей рутинной, умственной апатіей, жестокостью, эгоизмомъ и т. д., огромное же большинство изъ нихъ въ концѣ концовъ примирялось со всѣми окружающими требованіями, мыслями и привычками. Сколько при этомъ силъ, энергій, надеждъ разбивалось или безрезультатно растрачивалось въ неравной борьбѣ за самостоятельность и счастье и какъ часто лучшіе въ этическомъ и умственномъ отношеніи люди оказывались побѣжденными и гибли подъ ударами людей менѣе достойныхъ и даже низменныхъ, но только хорошо приспособившихся къ современнымъ вкусамъ и вѣяніямъ.—Въ той постепенной и невидимой, внутренней ломкѣ молодыхъ характеровъ, иногда радикальной перемѣнѣ основныхъ взглядовъ и убѣжденій, болѣе всего ужасно и обидно то, что кандидаты на судебныя должности, этотъ оплотъ и вѣра въ будущее, часто измѣняли лучшимъ своимъ завѣтамъ, утрачивали чувства собственного достоинства и способности къ самостоятельной мысли и развитію,—всѣ тѣ качества личности, которые для каждаго судебного дѣятеля являются *conditio sine qua non*. Взамѣнъ этихъ высокіхъ качествъ личности дѣйствительная жизнь вырабатывала особые типы людей, которые глядѣли на весь міръ исключительно сквозь призму своихъ узкихъ чиновничьихъ интересовъ. Живой человѣкъ скоро обращался въ машину и терялъ съ теченіемъ времени лучшія свои индивидуальныя черты. Искреннія чувства и симпатіи къ ближнему замѣнялись вѣшной любезностью и предупредительностью и служеніе общественному благу нерѣдко отождествлялось въ лучшемъ случаѣ съ исполненіемъ однихъ только законныхъ обрядовъ и формальностей.

Но какъ бы не была мрачна картина современ-

наго положенія кандидатовъ и ея перспектива, все таки остается еще не мало надеждъ на побѣду молодыхъ силъ, а съ ними и на значительное улучшеніе будущихъ судебныхъ дѣятелей, разъ только измѣнятся къ лучшему тѣ условія, которыя создаются законодательными реформами и правительственными распоряженіями.

Стоитъ только улучшить значительно служебное и матеріальное положеніе кандидатовъ, поставить ихъ по закону въ независимыя рамки, и положеніе всѣхъ кандидатовъ весьма скоро измѣнится къ лучшему. Вмѣстѣ съ тѣмъ приобретутъ большее значеніе и вліяніе отдѣльныя личности судебного вѣдомства, которыя до сихъ поръ, какъ показала практика, чувствовали себя, въ борьбѣ съ преобладающими недостатками бюрократизма, крайне слабыми и часто бесполезными. Словомъ, кандидатскій вопросъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и будущее всего судебного сословія, въ настоящее время зависятъ главнымъ образомъ отъ коренной реформы и преобразованія института кандидатовъ на судебныя должности.

Но, къ сожалѣнію, въ проектѣ новой редакціи учрежденій судебныхъ установлений по вопросу о кандидатахъ прежнія статьи закона мало въ чемъ измѣнились. Осталось то же дѣленіе кандидатовъ на младшихъ и старшихъ, тѣ же испытанія, та же зависимость отъ магистратуры и безправность, тѣ же пособія, въ общемъ та же матеріальная необезпеченность и та же неопредѣленность и неорганизованность занятій и подготовки къ будущей самостоятельной судебной дѣятельности.

Кому дорога родина и общественное благо, тотъ, безъ сомнѣнія, не можетъ быть равнодушенъ къ недостаткамъ нашего суда и судоустройства, тотъ долженъ слѣдовательно всѣми силами ратовать за исправленіе и лучшее разрѣшеніе кандидатскаго вопроса, памятуя, что жизнь государства,—его благосостояніе и порядокъ въ значительной степени зависятъ отъ высокаго значенія суда въ обществѣ и отправленія имъ правосудія. Для дѣла правды и справедливости недостаточно однихъ только законовъ и формальныхъ исполнителей, а нужна еще живая, дѣятельная, просвѣщенная и гуманная личность. А чтобы создать такую высокую личность въ судебномъ сословіи, необходима прежде всего реформа института кандидатовъ на судебныя должности, этого единственнаго въ наше время расадника будущихъ судебныхъ дѣятелей.

Было время, когда идеаль справедливости олицетворялся въ видѣ богини Фемиды съ повязкой на глазахъ и мечомъ пъ всѣми въ рукахъ, но такой идеаль формальной справедливости въ настоящее время не отвѣчаетъ вполне современнымъ запросамъ и требованіямъ жизни, которая во всемъ уже ищетъ внутреннюю, матеріальную правду. Къ этой правдѣ и нужно каждому стремиться.

В. Н. Дьяковъ.

Нѣмецкая литература частнаго права ¹⁾.

Многочисленные и интересные изслѣдованія посвящены учению о *юридической сдѣлкѣ*. Фритце (Fritze) дебютировалъ заслуживающимъ вниманія изслѣдованіемъ о вліяніи отказа, смерти или потери дѣеспособности лица, изъявившаго волю, на дѣйствіе уже выраженнаго, но еще не дошедшаго до другого контрагента волеизъявленія (Киль 1896, 111 стр., ц. 2.80 м.). Въ этомъ сочиненіи прежде всего заслуживаетъ признанія методъ автора, который, въ противоположность многимъ другимъ изслѣдователямъ того же предмета (какъ Коерпен, Schott), исходитъ не изъ апіорныхъ конструкцій, а строитъ свои принципиальные выводы индуктивнымъ путемъ, на основѣ объективнаго изученія источниковъ.

По мнѣнію автора, римляне какъ при одностороннихъ волеизъявленіяхъ, прежде всего анализируемыхъ авторомъ, такъ и при двустороннихъ сдѣлкахъ исходятъ изъ „принципа воли“—воля, взятая обратно или аннулированная смертью или возникшей недѣеспособностью, не можетъ больше обнаруживать никакого дѣйствія. Но въ обоихъ классахъ „чисто волевымъ сдѣлкамъ“—отпущенію на волю, завѣщательнымъ распоряженіямъ, изъ двустороннихъ также передачъ, стр. 56—противустоятъ, превосходя ихъ по числу и значенію, *оборотныя сдѣлки*, при которыхъ соображенія *bona fides* и прочности оборота не терпятъ неограниченной автономіи автора волеизъявленія, стр. 40, 87. Здѣсь принимается во вниманіе только ставшая извѣстной воля, и всюду, гдѣ совершенію сдѣлки препятствуютъ свободныя дѣйствія контрагента, перемѣна воли или возникшая недѣеспособность, противная сторона, заинтересованная въ томъ, чтобы сдѣлка состоялась, получаетъ притязаніе на отрицательный договорный интересъ. На такъ наз. *culpa in contrahendo* эта обязанность не можетъ быть основана, стр. 87 слл.

Основные мысли Фритце кажутся мнѣ заслуживающими полнаго одобренія; спорными остаются нѣкоторые детальныя вопросы, на которыхъ здѣсь, однако, не мѣсто останавливаться. —

Ученія о совершеніи договора касается также въ своемъ очеркѣ объ автоматахъ Неймондъ (Neu-mond, Archiv f. civilist. Praxis т. 89, стр. 166—196). Авторъ хотя и защищаетъ, вмѣстѣ съ *Зомомъ*, предложеніе (офертъ) *ad incertam personam*, но, въ противоположность *Бирману*, отрицаетъ возможность оферты публикѣ. Однако онъ значительно расширяетъ область примѣненія первой изъ указанныхъ категорій, и въ частности относительно содержимаго автоматовъ, предлагающихъ съѣстные припасы и т. п., допускаетъ такой офертъ передачи „тому, кто въ отдѣльномъ случаѣ первый выполнитъ желательный для оферента актъ принятія отдачи соответственной суммы“,—и такъ обр. по практическимъ результатамъ значительно приближается къ оспариваемому имъ ученію. Съ тѣмъ вмѣстѣ отпадаютъ практическія

затрудненія, которыя иначе вызывались бы теоріей Неймонда. —

Гораздо значительнѣе и плодотворнѣе слѣдующія два изслѣдованія, посвященные значенію въ юридической сдѣлкѣ волевого момента, появившіяся почти одновременно и въ извѣстномъ смыслѣ дополняющія другъ друга:

Голландеръ (v. Hollander, zur Lehre vom error nach römischem Recht, Галле 1898, 178 стр., ц. 4 м.) даетъ умѣло составленный пересмотръ римскаго ученія объ ошчбкѣ, основанный на изученіи обильнаго матеріала источниковъ и существенно примыкающій къ такъ наз. теоріи изъявленія (Erklärungstheorie), которую онъ, однако, еще шире конструируетъ: рѣшающее значеніе имѣетъ не отдѣльное выступающее при заключеніи сдѣлки—напр., въ письменной редакціи—изъявленіе, а *волеизъявленіе во всемъ его объемѣ*, стр. 63, 77, 96, 118—119. Это авторъ относитъ даже къ завѣщательнымъ распоряженіямъ, на которыя привыкли смотрѣть какъ на безспорную область примѣненія такъ наз. волевой теоріи (Willenstheorie).

Рядомъ съ этимъ находить, по Голландеру, примѣненіе и внутренняя воля: а) когда error признается на столько существеннымъ, „что изъ соображеній *aequitatis* защищается посредствомъ *exceptio doli u in integrum restitutio propter justum errorem*“, стр. 171. Итакъ это то же, что имѣется въ гражданскомъ уложеніи, (но только не вполне послѣдовательно проведено).

б) Во многихъ случаяхъ, разсматривавшихся до сихъ поръ какъ error, авторъ усматриваетъ частью наличность исключающаго дѣйствительность акта разногласія, частью должно быть принято безмолвное *condicio in praesens collata*, стр. 111, 118. Такъ, въ частности, во многихъ случаяхъ такъ наз. error in substantia.

Признать аргументацію автора рѣшающей я не могу. Но его книга представляетъ существенный прогрессъ именно въ смыслѣ Erklärungstheorie, которой она содѣйствуетъ въ освобожденіи отъ тяжелаго упрека, что она придаетъ значеніе только формальной, виѣшней сторонѣ сдѣлки. Будучи, впрочемъ, послѣдовательнымъ, авторъ могъ и долженъ-бы сдѣлать еще дальнѣйшій шагъ, предпринятый тѣмъ временемъ *Isay* емъ, (см. ниже) а именно указать, что важна не только фактическая обстановка (положительнаго или отрицательнаго) образа дѣйствій участниковъ. —

Еще цѣннѣе содержательное и остроумное изслѣдованіе *Isay* о волеизъявленіи въ составѣ юридической сдѣлки (Willenserklärung im Thatbestande des Rechtsgeschäfts, Iena 1899, 109 стр., ц. 3 м.), исходящее преимущественно изъ новаго нѣмецкаго права, но выясняющее также и принципиальные вопросы.

Isay отвергаетъ какъ волевою теорію, ибо воля какъ таковая не должна имѣть значенія въ оборотѣ, такъ и теорію изъявленія, такъ какъ послѣдняя механически виѣшнимъ образомъ придаетъ значеніе только буквѣ, и находитъ правильное рѣшеніе вопроса въ среднемъ направленіи, по примѣру *Гартмана* и *Регельсбергера*. Рѣшающее значеніе имѣетъ пове-

¹⁾ См. Право № 26.

деніе котрагентовъ во всемъ его составѣ, и волеизъявление есть такой образъ дѣйствій, „который, если принять во вниманіе всѣ конкретныя обстоятельства, согласно установившемуся въ оборотѣ опыту, нормально допускаетъ заключеніе о наличности опредѣленной воли“, стр. 12—13, 23. Къ этому, впрочемъ, долженъ присоединиться и субъективный моментъ, но это не воля, не стремленіе къ результату. „Достаточно, напротивъ, сознанія дѣйствующаго лица, что его поведеніе послужитъ основаніемъ для заключенія о его волѣ“.

При этой теоріи естественно нѣтъ больше мѣста многократно возбуждавшему контрверзы и все еще не выясненному различію непосредственнаго и безмолвнаго изъясненія воли, стр. 39.

Оставаясь приверженцемъ волевой теоріи, я, однако, охотно допускаю, что изложенная теорія представляется весьма завлекательной и подкупающей. Я только сильно сомнѣваюсь, чтобы ее можно было признать также положенной въ основу граждан. уложенія; въ этомъ отношеніи мотивировка автора едва ли удачна.

Изъ остального содержанія труда упомяну еще анализъ такъ наз. нуждающихся въ принятіи изъясненій, стр. 48 слл., протеста, эвентуального платежа, который вѣритель не обязанъ принять, стр. 75, условій принятія волеизъявленія адресатомъ, стр. 84 слл. Послѣдній, по мнѣнію автора, не долженъ обладать полной дѣеспособностью. —

Два очерка о представительствѣ *Ленеля* (Lepel, в *Iherings Jahrb.* т. 36, стр. 1—144) весьма поучительны и даютъ рядъ существенно новыхъ результатовъ, которые авторъ, нерѣдко оставляя твердую почву источниковъ, хотя и не всегда сумѣлъ безспорно обосновать, но по крайней мѣрѣ сдѣлалъ въ существенныхъ чертахъ очень вѣроятными.

Ленель исходитъ изъ основного, открытаго уже *Гельдеромъ* различенія юридическихъ сдѣлокъ въ зависимости отъ того, представляютъ ли они *осуществленіе воли* или *изъявленіе* ея, изъ коихъ послѣднее имѣетъ цѣлью сдѣлать направленную на совершеніе юридической сдѣлки волю извѣстной другому лицу или лицамъ. Только въ этомъ классѣ представительство можетъ требовать совершенія дѣйствій отъ чужого имени, но и здѣсь съ исключеніями (распоряженія объ отчужденіи относительно чужихъ вещей и нематеріальныхъ благъ), стр. 11.

Предпринятое отъ имени другого лица дѣйствіе необходимо предполагаетъ дополненіе еще другимъ волеизъявленіемъ (стр. 13) — полномочіемъ, *довѣренностью*. Послѣдняя должна быть дана для свѣдѣнія третьяго или третьихъ лицъ, и когда это совершается при посредствѣ самого представителя, онъ является при этомъ только передаточнымъ органомъ, стр. 17. Отсюда вытекаютъ важныя послѣдствія — такъ *сообщеніе третьему лицу* о данномъ полномочіи подчинено формѣсдѣлки (стр. 25—9), но не выдача его представителю.

Подробное изслѣдованіе *Ленель* посвящаетъ *пріобрѣтенію владѣнія черезъ представителя*, значительно расходясь при этомъ съ *Ирингомъ* и *Бремеромъ*. Правда, въ случаѣ сомнѣнія каждая tradi-

ція должна, какъ это находятъ и *Бремеръ*, быть разсматриваема, какъ направленная *in incertam personam*; но при этомъ не принимается во вниманіе и внутренняя воля *пріобрѣтающаго представителя*, какъ думалъ *Бремеръ*: рѣшающее значеніе имѣетъ, вѣрнѣе, лежащая въ основѣ матеріальная сдѣлка, (стр. 57). Однако, если послѣдняя относится къ принципалу, исключеніе возможно въ томъ случаѣ, „когда въ намѣреніе самого принципала входитъ, чтобы представитель пріобрѣлъ для себя самого то, что предназначено для принципала“, стр. 62, 66. Традиція входитъ тогда въ два основныхъ отношенія — традента къ принципалу и принципала къ представителю, она дѣйствуетъ тогда въ пользу послѣдняго, минуя лицо *dominus'a*. Къ противоположному случаю, когда у принципала нѣтъ такого намѣренія, относится знаменитый *l. 13. Dig XXXIX, 5*. Исключеніе въ обратномъ направленіи установлено въ источникахъ для *procurator'a* и *tutor'a*, которые пріобрѣтаютъ для *представляемаго ими лица* также и то, что пріобрѣли отъ своего имени; и это по *Ленелю* должно теперь быть распространено также на нѣкоторыхъ мандатаріевъ (служителей, служащихъ), стр. 91. Вообще рѣшеніе, для кого пріобрѣтается полномоченный, зависитъ исключительно отъ внутренняго правоотношенія между нимъ и *dominus'омъ*, стр. 98.

Дальнѣйшее изслѣдованіе обнимаетъ отношеніе между полномочіемъ и *переводомъ* (*assignatio*), причемъ авторъ приходитъ къ заключенію (стр. 114), что приказъ платежа представляетъ только полномочіе инкассировать, относящееся къ возникновенію или прекращенію основнаго отношенія. Приказъ платежа заключаешь въ себѣ далѣе, въ случаѣ сомнѣнія, и переводъ кредита. Если римляне при этомъ выставляють правило „*solvit et qui reum delegat*“, то это объясняется ихъ хозяйственными и полицейскими отношеніями, въ силу которыхъ предоставлялось делегатарію въ собственномъ интересѣ предпочесть наличному платежу принятіе новаго *genus*, стр. 129.

Второй краткій очеркъ даетъ, вопреки *Шлосману*, на мой взглядъ убѣдительныя доказательства того, что и при сдѣлкахъ, обосновывающихъ *actiones adjectitiae qualitatis*, дѣйствіе совершалось, имѣя въ виду отношеніе представительства (стр. 145). —

P. Oertmann.

Хроника.

Министромъ вн. дѣлъ утвержденъ 8 іюля 1901 г. **нормальный уставъ губернскихъ съѣздовъ** членовъ и представителей земскихъ учрежденій по врачебно-санитарной части. Созывъ съѣзда зависитъ отъ разрѣшенія губернатора, если нѣтъ ходатайства объ отступленіи отъ нормальнаго устава.

По разъясненію Прав. Сената, **взысканіе недоимокъ губернскаго земскаго сбора**, образовавшихся въслѣдствіе привлеченія къ обложенію имуществовъ, несуществующихъ или неправильно оцѣненныхъ путемъ причисленія сложныхъ по каждому уѣзду суммъ къ причитающимся съ тѣхъ же уѣздовъ суммамъ губернскаго сбора на послѣдующіе годы, имѣло бы слѣдствіемъ раскладку между плательщиками соответствующаго уѣзда части губернскаго сбора, подлежащей при правильномъ исчисленіи количества и цѣнности уѣздныхъ имуществовъ распределенію между плательщиками всей губерніи, въслѣдствіе чего такой способъ пополненія недоимокъ долженъ быть признанъ неправильнымъ (27 іюня 6090).

Прав. Сенатъ вновь разъяснилъ, что **жалобы на постановленія губернскихъ распорядительныхъ комитетовъ** должны бы приносимы не Правит. Сенату, но подлежащимъ министрамъ, соответственно предметамъ, по которымъ состоялись такія постановленія (№ 6095).

По разъясненію Прав. Сената, **обременительность дорожной повинности**, а равно и помощь, оказанная въ этомъ отношеніи земствомъ какому-либо землевладѣльцу, не можетъ служить для другихъ землевладѣльцевъ основаніемъ къ требованію объ освобожденіи отъ этой повинности (№ 6093).

По разъясненію Прав. Сената, **крестьянскіе дома въ городахъ**, выстроенные на надѣльной землѣ, не освобождены отъ земскаго сбора (№ 6089).

Въ № 26 „Права“ была перепечатана изъ „Волгара“ **рѣчь ст. предсѣдателя саратовской судебн. пал. Н. К. Беше**, будто бы сказанная имъ мѣстнымъ пр. повѣреннымъ, Нынѣ насъ просятъ сообщить, что рѣчь эта передана совершенно невѣрно и что въ дѣйствительности она гласила слѣдующее: мм. гг.! мой личный взглядъ на адвокатуру, можетъ быть, покажется вамъ несимпатичнымъ, въ виду требованія мною строгой репрессіи по нарушеніямъ профессиональной этики. Я безусловно признаю адвокатуру необходимою принадлежностью въ каждомъ процессѣ, повторяю—необходимую, и всегда съ напряженнымъ вниманіемъ буду слѣдить за каждымъ словомъ адвоката, сказаннымъ имъ съ глубокимъ убѣжденіемъ въ правотѣ дѣла; всякое же доброе начинаніе среди присяжныхъ повѣренныхъ встрѣтитъ съ моей стороны самое глубокое сочувствіе и полное содѣйствіе.

Въ „Русск. Вѣд.“ напечатано на основаніи 138 ст. уст. ценз. **возраженіе со стороны министерства нар. проsv** на корреспонденцію изъ Каменецъ-Подольска отъ 4-го сего іюня, въ коей излагается впечатлѣніе, произведенное на мѣстное общество переводомъ директора каменецъ-подольской гимназіи Васильева на такую же должность въ Новгородъ-Сѣверскъ и несочувственное отношеніе учебнаго вѣдомства къ коллективной просьбѣ, поданной мѣстными обывателя-

ми министру народнаго просвѣщенія о дальнѣйшемъ оставленіи г. Васильева на службѣ въ Каменецъ-Подольскѣ.

Въ интересахъ возстановленія истины министерство народнаго просвѣщенія считаетъ необходимымъ заявить, что ходатайство попечителя одесскаго учебнаго округа о переимѣненіи г. Васильева въ Новгородъ-Сѣверскъ, состоявшемся 26-го марта сего года, вызвано было воплію основательными соображеніями, принятыми высшимъ начальствомъ.

16-го апрѣля въ министерствѣ была получена изъ Каменецъ-Подольска телеграмма безъ подписи объ оставленіи г. Васильева въ занимаемой должности; на слѣдующій день—аналогичная телеграмма оттуда же за подписью 17-ти евреевъ, и, наконецъ, 24-го апрѣля поступило коллективное заявленіе цѣлага ряда лицъ, служащихъ и проживающихъ въ упомянутомъ городѣ.

Какъ телеграммы, такъ и заявленіе не могли имѣть послѣдствій потому, что переводъ Васильева къ тому времени уже состоялся, а равно и по той причинѣ, что при переводѣ этомъ начальство руководствовало исключительными соображеніями о пользѣ службы, каковыя должны быть всегда на первомъ планѣ.

О лицахъ, подписавшихъ означенное заявленіе, кои состоятъ на государственной службѣ, министерствомъ сообщено было на усмотрѣніе подлежащихъ вѣдомствъ, такъ какъ подобныя заявленія, дѣлаемыя скопомъ, запрещаются закономъ (ст. 112-я т. XIV св. зак. уст. о пред. и пресѣч. прест.). Если же, какъ говорится въ указанной корреспонденціи; „обвиняемые (въ подачѣ заявленія), не усматривая въ своемъ поступкѣ никакихъ признаковъ преступленія, оправдываютъ себя ссылкой на тѣ всѣмъ извѣстные акты, которые, повидному, знаменовали поворотъ въ нашемъ учебномъ дѣлѣ и призывали родителей учащихся дѣтей къ ближайшему участію въ немъ“, то при этомъ не слѣдуетъ забывать, что „всѣмъ извѣстные акты“ не отменяютъ силы приведеннаго выше закона; но никто не возбранялъ и не возбраняетъ отдѣльнымъ лицамъ обращаться со своими основательными заявленіями къ министру народнаго просвѣщенія.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра внутреннихъ дѣлъ, въ 21-й день іюня, Высочайше повелѣть соизволилъ: за смертью генераль-адъютанта Троцкаго и вступленіемъ въ дѣйствіе ст. 206 общаго губернскаго учрежденія (т. III св. зак., изд. 1892 г.), въ отношеніи общихъ дѣлъ управленія губерніями Виленской, Ковенской и Гродненской, всѣ права и обязанности **виленскаго генераль-губернатора** по особымъ узаконеніямъ и мѣропріятіямъ, послѣдовавшимъ для губерній Сѣв.-Зап. края, возложить временно впродъ до особаго Высочайшаго указанія на министра внутреннихъ дѣлъ.

(Вил. В.)

Вновь учреждаемую **кафедру финляндскаго права** при петербургскомъ университетѣ займетъ,—какъ слышали „Нов.“,—чиновникъ особыхъ порученій при

министръ, статсъ секретарь Великаго Княжества Финляндскаго Берендсъ.

По поводу изданія нѣкоторыми земствами разнообразныхъ сочиненій съ цѣлью пополненія народныхъ и школьныхъ библиотекъ и читаленъ и распространенія ихъ въ средѣ народа, министерство внутреннихъ дѣлъ прислало саратовской губернской администраціи разъясненіе, что, хотя на точномъ основаніи п. 10 ст. 2 пол. о зем. учр. земству предоставлено попеченіе о развитіи средствъ народнаго образованія и участіе въ завѣдываніи содержимыми на счетъ земства школами, но приведенный законъ устанавливаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и предѣлы означенной дѣятельности земства. Такъ, надлежитъ имѣть въ виду, что дѣятельность земства въ области народнаго образованія ограничивается, помимо территориальныхъ предѣловъ уѣзда или губерніи, еще и опредѣленно выраженной въ законѣ цѣлью—образованіемъ народа. А такъ какъ существующія въ этихъ дѣляхъ народныя читальни, библиотеки и низшія учебныя заведенія могутъ имѣть у себя только тѣ книги и изданія, которыя одобрены для нихъ ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія, то министерство и признаетъ, что земскія учрежденія должны ограничиваться въ своей издательской дѣятельности—сверхъ періодическихъ изданій по разрѣшеннымъ программамъ и изданій специальныхъ касающихся тѣхъ или иныхъ отраслей мѣстнаго земскаго хозяйства и управленія, исключительно списками литературныхъ произведеній, допущенныхъ къ обращенію въ средѣ народа, указанныхъ въ каталогахъ названныхъ читаленъ, библиотекъ и училищъ. На этомъ основаніи министерство предлагаетъ губернской администраціи имѣть строгое наблюденіе за недопущеніемъ къ изданію земскими учрежденіями неподлежащихъ литературныхъ произведеній. („Сар. Л.“).

„Од. Нов.“ сообщаютъ изъ Елисаветграда, что заступающему мѣсто предсѣдателя совѣта общества распространенія грамотности и ремеслъ г. Якубовскому объявлено о томъ, что дальнѣйшія собранія членовъ общества и совѣта его должны быть пріостановлены, впредь до полученія изъ министерства внутреннихъ дѣлъ увѣдомленія о дальнѣйшей дѣятельности общества.

День 27-го мая 1901 года останется памятнымъ для скопцовъ, сосланныхъ въ Якутскую область: въ этотъ день, при проѣздѣ черезъ Олекминскъ генераль-губернатора, въ первый разъ за сорокъ лѣтъ было разрѣшено двумъ скопцамъ поѣхать въ Якутскъ для леченія. Безусловное запрещеніе отлучекъ изъ селенія въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ и отказъ перечисленія въ другія общества являются для скопцовъ тягчайшей стороной ссылки. (В. Об.).

Въ послѣднюю сессію елисаветградскаго окружнаго суда, слушалось безъ участія присяжи. засѣдателей, дѣло по обвиненію крест. Оеклы Присяжнюковой, 19 лѣтъ, въ обученіи безъ разрѣшенія начальства дѣтей грамотѣ. Объ этомъ узналъ тамошній свя-

щенникъ, который донесъ становому приставу. Послѣдній явился въ квартиру П. и засталъ тамъ около 10 дѣвочекъ-ученицъ. По показанію свидѣтеля Левченко, Присяжнюкова, плача, заявила приставу, что она вынуждена заниматься обученіемъ дѣтей грамотѣ изъ-за куска хлѣба и общала больше этого не дѣлать, хотя ей рѣшительно не съ чего жить. Судъ послѣ непродолжительнаго совѣщанія оправдалъ Присяжнюкову. (Од. Нов.).

3-го іюля у городского судьи 1-го участка г. Царицына разбиралось дѣло о нанесеніи оскорбленія ротнымъ командиромъ Лагинимъ и сыномъ купца Ивановымъ студенту В. 9 іюня въ 11 час. вечера, на набережномъ бульварѣ В. при встрѣчѣ съ Ивановымъ по нечаянности слегка задѣлъ локтемъ даму послѣдняго. Ивановъ немедленно кинулся къ В. и съ словами „я шибу съ тебя очки“ ударилъ его въ грудь. Шедшіи сзади г. Лагинъ также подбѣжалъ къ В. и, обращаясь къ явившемуся на шумъ гордодовому, сталъ кричать: „бери этого студента въ часть!“ Затѣмъ, обратившись уже къ В., Лагинъ прибавилъ: „да, я повторяю, что ты с. с.“. На судѣ защитникъ интересовъ В. просилъ обратить вниманіе на грубость обвиняемыхъ, которые вмѣсто того, чтобы вѣжливо объясниться съ В. по поводу самаго обыкновеннаго недоразумѣнія, накинулись на него съ площадною бранью и кулаками, хотя и знали отлично, что имѣютъ дѣло со студентомъ, т. е. человѣкомъ интеллигентнымъ. „Что за странное отношеніе къ учащейся молодежи!—сказалъ между прочимъ защитникъ,—и безъ того за послѣднее время со всѣхъ сторонъ только и слышенъ крикъ—„бей студентовъ!“ Отъ кого же мы услышимъ, наконецъ, „уважай студента?“ Хочется вѣрить, что это скажете намъ вы, г. судья, вашимъ справедливымъ приговоромъ“. Командиръ г. Л. замѣтилъ „Крикъ: „бей студентовъ“ раздается потому, что студенты не могутъ быть терпимы въ порядочномъ обществѣ“. Судья приговорилъ г. Лагина къ аресту на гауптвахтѣ на 20 дней, а г. Иванова—къ содержанію въ арестномъ домѣ на одинъ мѣсяць. (Сар. Дн.).

Въ Казани въ камерѣ мирового судьи было рассмотрѣно дѣло по обвиненію присяжи повѣреннаго В. И. Николича въ нанесеніи оскорбленія дѣйствіемъ 10-ти лѣтней дѣвочки. Находясь почему то не въ духѣ и увидавъ на дворѣ своей жены дѣтей, собиравшихъ щепки, Николичъ закричалъ на нихъ и затѣмъ послалъ дворника за полицейскимъ. Дѣти разбѣжались, но одна Нина Л., уронивъ вторюихъ 2хъ-копеечную монету, не успѣла убѣжать. Тогда сильно возбужденный г. Николичъ, подойдя къ дѣвочкѣ, нанесъ ей 4 удара, тонкой сѣрой тростью, по обѣимъ рукамъ. Избитая дѣвочка была отправлена въ земскую больницу, гдѣ она находилась около 2 недѣль на излѣченіи. Судья, какъ сообщаетъ „Волжск. В.“, приговорилъ г. Николичъ заочно къ аресту на семь дней.

„Бессарабецъ“ сообщаетъ, что недавно тов. прокурора освободилъ изъ каларашской волостной кордегардіи двухъ арестантовъ, незаконно задержанныхъ земскимъ начальникомъ. 25 іюня Скулянскую

кордегардію (Вѣл. у.) посѣтилъ тов. прокурора и, заставъ тамъ до 20 полицейскихъ арестантовъ, пятерыхъ изъ нихъ тотчасъ же освободилъ, какъ незаконно арестованныхъ. По справкѣ оказалось, что урядникъ арестовалъ ихъ 20 мая по подозрѣнію въ „неблаговидномъ приобрѣтеніи“ лошадей, а приставъ 3 ст. Вѣленкаго у. посадилъ ихъ подѣ арестъ до представленія доказательствъ „благовиднаго“ приобрѣтенія лошадей. Арестованные могли и всю жизнь просидѣть въ кордегардіи, такъ какъ не имѣли подѣ руками требуемыхъ отъ нихъ доказательствъ „благовиднаго“ приобрѣтенія.

Содержаніе въ кордегардіи безошибочно можетъ быть приравнено къ истязанію людей. Представьте себѣ двѣ комнатки, биткомъ набитыя арестованными мужчинами, такъ что арестантки, за недостаткомъ помѣщенія, содержатся въ сторожкѣ и спятъ вмѣстѣ со сторожами. Отъ недостатка воздуха лампа едва мерцаетъ, хотя окно открыто.

Кормятъ арестованныхъ по подряду. Сторожъ, получая 14 руб. въ мѣсяцъ, обязался за эту сумму служить и кормить всѣхъ арестованныхъ половину мѣсяца, а другую половину кормитъ еврейскій подрядчикъ. Если принять во вниманіе, что въ кордегардіи содержится по 20 слѣпикомъ человѣкъ, то можно себѣ представить, какъ ихъ кормятъ по подряду за 14 руб., изъ которыхъ высчитывается еще жалованье. Бываетъ, что и голодать приходится.

НОВЫЯ КНИГИ:

ГАРНАКЪ. Волостной судъ. Собраніе законовъ для крестьянъ всей Россійской Имперіи. Изд. 7-ое, Ступина. М. 1901 г. Стр. 960. Ц. 2 р. 50 к.

ГЕОРГИЕВСКИЙ, П. И. Политическая экономія. Изд. 3-е. Стр. XVII+612. Спб. 1901 г., ц. 3 р. 50 к.

ЕВРЕЙСКАЯ БИБЛИОТЕКА. Историко-литературный сборникъ т. IX Спб. 1901 г.

ЗАВЪЯЛОВЪ, А. Циркулярные указы Св. Правит. Синода съ 1867—1900 г. Изд. 2-ое Спб. Стр. 444.

ЗИНОВЬЕВЪ, К. Казенная продажа питей. Настольная книга для лицъ акцизнаго надзора и др. Спб. 1901 г. Ц. 1 р.

ЛЮБАВСКИЙ, М. Литовско-русскій сеймъ. Опытъ по исторіи учрежденія въ связи съ внутреннимъ строемъ и внѣшнею жизнью государства. Изд. Имп. Общ. Истор. и древн. росскій. при моск. унив. М. 1901 г. Стр. 1154. Ц. 4 р.

МОРДВИНОВЪ, В. Н. Справочная книга для полицейскихъ урядниковъ и сельской полиціи, съ алфавитнымъ указателемъ и приложеніемъ инструкціи полиціи урядникамъ, инструкціи чинамъ полиціи и пр. Изд. 3-ье, исправ. и дополн. Н. Мартынова. Спб. 1901 г. Стр. 299. Ц. 1 р.

НОРВЕНЪ-ДЕ, А. Американскіе милліардеры. Съ 16 порт. и прилож. ст. А. Карнеги: Предупрежденія противъ трестовъ. Пер. съ фр. подѣ ред. А. Е. Яновскаго. Изд. т-ва „XX вѣкъ“ Спб. 1901 г. Стр. 379. Ц. 1 р. 50 к.

ПРИЗВАНІЕ женщины въ школѣ и обществѣ. Изд. К. П. Побѣдоносцева М. 1901 г. Стр. 62. Ц. 40 к.

РОТЕНБЕРГЪ, Л. М. Новый уставъ о гербовомъ сборѣ, съ приложеніемъ Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта 10 іюня 1900 г., таблицы разборовъ гербовыхъ бумагъ и съ подробнымъ предметнымъ алфавитнымъ указателемъ. (Карман. юридич. библиотека). Изд. 2-е, Л. М. Ро-

тенберга. Екатеринославъ 1901 г. Стр. 2+111. Ц. 40 к.

ЧИЖЕВСКИЙ, І. Церковное хозяйство или правила и постановленія касательно благоустройства приходовъ, храмовъ и благочинія въ оныхъ, веденія церковнаго хозяйства и постройки церквей и молитвенныхъ домовъ, извлеченныхъ изъ церковно-гражданскихъ законовъ. Изд. 4-е. Харьковъ. Стр. 418.

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА.

3-ье отдѣленіе гражданскаго кассационнаго департамента.

О наследственныхъ правахъ разнородныхъ дѣтей по законамъ Прибалтійскихъ губерній.

Берзинъ послѣ смерти своей жены, намѣреваясь вступить во второй бракъ, совершилъ дарственную запись на недвижимое имущество, приобрѣтенное имъ во время брака, на имя своей дочери Маріи, по мужу Зандбергъ, рожденной въ этомъ же бракѣ.

Пасынокъ Берзина, Каулинъ, сынъ жены Берзина отъ перваго ея брака, считая свои права этой записью нарушенными, предъявилъ въ Рижскомъ окружномъ судѣ къ дарителю и одаренной искъ о признаніи этой записи недействительной и о выдѣленіи ему 1/4 части подаренной недвижимости.

Каулинъ основывалъ свое требованіе на ст. 79 и 1831 Свода мѣстныхъ узаконеній губерній Прибалтійскихъ, согласно которымъ между супругами устанавливается общность имущества, при раздѣлѣ коего послѣ смерти матери между отцомъ, вступившимъ въ новый бракъ, и дѣтьми—отецъ получаетъ одну половину, а дѣти—другую, которую они дѣлятъ между собою поровну.

Окружный судъ и палата удовлетворили полностью исковыя требованія Каулина. Рѣшеніе палаты основано было на 1829 ст. Свода мѣстныхъ узаконеній, которая гласитъ, что раздѣлъ, производимый между пережившимъ супругомъ и его дѣтьми вслѣдствіе вступленія перваго въ новый бракъ, долженъ обнимать всю общую массу имущества безъ различія первоначальныхъ составныхъ ея частей.

Въ кассационной жалобѣ на рѣшеніе судебной палаты отвѣтчики объяснили, что палата неправильно примѣнила къ данному случаю 1829 и 1831 ст. III ч. Свода мѣстныхъ узаконеній, ибо статьи эти устанавливаютъ порядокъ раздѣла имущества между пережившимъ супругомъ и его собственными дѣтьми, прижитыми имъ въ этомъ самомъ бракѣ, во время котораго приобрѣтено оставшееся имущество, что въ раздѣлѣ этомъ дѣти, прижитыя умершимъ супругомъ въ другомъ бракѣ, то есть, пасынки и падчерицы пережившаго супруга, участвовать не могутъ, и что такое участіе дѣтей разныхъ браковъ въ раздѣлѣ наследственнаго имущества на равныхъ правахъ въ порядкѣ 1829 и 1831 ст. допускается мѣстными узаконеніями Лифляндскаго городского права (прим. къ ст. 1828) лишь въ случаѣ *приравненія* дѣтей отъ разныхъ браковъ путемъ особыхъ предбрачныхъ договоровъ согласно ст. 2512 и 2115 Св. мѣстныхъ узаконеній.

Правительствующій Сенатъ нашелъ: судебная палата удовлетворила требованіе истца Каулина объ уничтоженіи дарственной записи, совершенной отвѣтчикомъ Берзинымъ въ пользу родной его дочери Маріи, по мужу Зандбергъ, на недвижимость, приобрѣтенную имъ въ продолженіе его брака съ матерью Каулинъ, Триною, по второму мужу Берзинъ, — на томъ основаніи, что недвижимость эта, входившая въ общую имущественную массу супруговъ Берзинъ, послѣ смерти Трины Берзинъ, въ виду намѣренія пережившаго супруга вступить въ новый бракъ, подлежала раздѣлу между *всѣми* ея наследниками, въ томъ числѣ и сыномъ ея отъ

перваго брака, Каулинымъ въ порядкѣ 1829 ст. III ч. Св. мѣстн. указ. установленномъ, при каковомъ раздѣлѣ на долю Каулина причиталась, согласно 1831 ст., отыскиваемая имъ 1/4 доля въ этой недвижимости, коей онъ не можетъ быть лишенъ одностороннимъ распоряженіемъ отчима Берзина въ пользу одной только Маріи Зандбергъ.—Такое заключеніе палаты представляется неправильнымъ, такъ какъ при дѣйствіи имущественной общности супруговъ, *дѣти отъ перваго брака* умершаго супруга наследуютъ въ оставшей послѣ смерти ихъ родителей имущественной массѣ *по второму* не бездѣльному браку въ порядкѣ, 1829—1831 ст. установленномъ, только при наличности предусматрѣннаго ст. 2512, 2515 и прим. къ 1828 ст. договора о приравненіи разноразличныхъ дѣтей: при отсутствіи же подобнаго договора, они никакого права наследованія въ имуществѣ вочима или мачехи имѣть не могутъ (ст. 1738 и 1880) и, слѣдовательно, не могутъ участвовать въ раздѣлѣ массы, состоящей изъ общаго имущества, какъ ихъ родителя, такъ и отчима или мачехи.—Въ данномъ случаѣ, судебная палата не установила, чтобы между супругами Берзинъ, при вступленіи ихъ въ бракъ, состоялся договоръ о приравненіи истца Каулина къ дѣтямъ, имѣющимся родиться отъ этого втораго брака его матери, а, засимъ, палата не имѣла законнаго основанія признать за Каулинымъ права на долю въ имущественной массѣ, *общей* между его матерью и отчимомъ, такъ какъ это было бы равносильно признанію за нимъ права на часть имущества отчима (ст. 1947 и 80), каковаго онъ, однако, по закону, имѣть не можетъ. Съ другой стороны, не подлежитъ сомнѣнію, что *неотпавшими своевременно, при вступленіи изъ родителей во второй бракъ*, дѣти не могутъ быть лишены права наследованія въ имуществѣ ихъ родителя, вошедшемъ въ составъ имущественной массы по второму браку послѣдняго; посему, и въ виду невозможности (за силою 80 ст.) опредѣленія того, какую именно долю общей массы составляетъ это имущество,—законъ (ст. 1834) *на этотъ случай* устанавливаетъ, что наследственная масса не дѣлится между пережившимъ супругомъ и дѣтьми отъ перваго и втораго браковъ въ порядкѣ 1829—1831 ст., а вся масса дѣлится на ея первоначальныя части, изъ которыхъ выдѣляется сперва дѣтямъ отъ перваго брака имущество ихъ матери, а потомъ вдовѣ, т. е. второй женѣ внесенное ею при бракѣ, а изъ *остальнаго*, затѣмъ, имущества, (т. е., изъ имущества, приобретеннаго обоими супругами или однимъ изъ нихъ въ теченіе брачнаго союза—ст. 80) *получаютъ равныя по числу лицъ части дѣти отъ обоихъ браковъ и вдова*.—Въ виду сего, палатѣ надлежало обсудить вопросъ о томъ, имѣются ли въ настоящемъ дѣлѣ на лицо условія для примѣненія приведенной 1834 ст. Но палата этого вопроса не обсуждала, а основала свое рѣшеніе на неправильномъ примѣненіи ст. 1829 и 1831.—Вслѣдствіе сего Правительствующій Сенатъ опредѣлилъ: рѣшеніе С.-Петербургской судебной палаты, по нарушенію 1829 и 1831 ст. III ч. Св. мѣстн. указ. губ. приб., отмѣнить. (Рѣшеніе 2 мая 1901 г.)

ОТВѢТЫ РЕДАКЦІИ.

Подписчику № 3908.

Можетъ ли еврей, занимающійся ремесломъ и пользующійся поэтому правомъ проживанія въ чертѣ еврейской осѣдности, поступить въ какое нибудь среднее или низшее учебное заведеніе, не испрашивая особаго разрѣшенія на жительство, если учебное заведеніе находится въ томъ же мѣстѣ, гдѣ онъ состоитъ ремесленникомъ.

Для поступленія въ учебное заведеніе, еврей долженъ, по закону, имѣть право жительства въ томъ мѣстѣ, гдѣ учебное заведеніе находится (ст. 466 т. IX, зак. сост., изд. 1876 г. Евреи ремесленники не только мастера, но и подмастерья, а равно ремеслен-

ные ученики,—(послѣдніе, впрочемъ, при извѣстныхъ условіяхъ) пользуются правомъ повсемѣтнаго жительства, но это право временное въ томъ смыслѣ, что продолжается лишь до тѣхъ поръ, пока ремесленникъ занимается своимъ ремесломъ; прекращеніе такого занятія есть поводъ къ исключенію изъ цеха, а затѣмъ къ высылкѣ въ черту еврейской осѣдности. Поэтому, дѣти евреевъ ремесленниковъ имѣютъ безусловное право на поступленіе въ учебныя заведенія въ мѣстѣ жительства ихъ родителей. Что же касается самыхъ ремесленниковъ, то и имъ принадлежитъ право поступленія въ учебныя заведенія, если только обученіе въ ихъ не претягиваетъ заниматься ремесломъ, точнѣе, пребыванію въ цехѣ. Въ этомъ смыслѣ состоялся указъ Сенатъ 8 Апрѣля 1899 г. по д. Федермана, а также недавно появившійся указъ по д. Миранскаго, изучавшаго зубоврачебное искусство.

Подписчику № 2496.

Подлежатъ ли разбирательству волостнаго суда проступки, предусматрѣнные 42 ст. уст. о нак. въ новой редакціи, и какому наказанію подлежатъ виновный въ случаѣ совершенія этого проступка въ третій разъ.

Подлежатъ, потому что при изданіи новой редакціи не послѣдовало никакого измѣненія ст. 17 врем. правилъ, упоминающей ст. 42 уст. о нак. въ числѣ тѣхъ, кои предусматриваютъ проступки, подлежащие вол. суду. Хотя по новой редакціи за ученіе проступка въ 3-й разъ можетъ быть назначено между прочимъ денежное взысканіе до 50 р., но вол. судъ, по общему правилу, выраженному въ 33 и 34 ст. врем. правилъ, можетъ назначить денежное взысканіе не свыше 30 р., арестъ же до 2 недѣль.

Подписчику № 3473.

Какою статью предусматриваютъ нанесеніе арестантомъ оскорбленія дѣйствіемъ начальнику тюрьмы при исполненіи послѣднимъ его служебныхъ обязанностей? Примѣнима ли 395 ст. улож.?

Статья 395 касается случаевъ оскорбленія дѣйствіемъ подчиненными своихъ начальниковъ; изъ текста ст. 392 видно, что по 395 ст. могутъ отвѣчать лишь лица, состоящія на службѣ государственной и общественной. Изъ этого общаго правила законъ сдѣлалъ одно исключеніе (прим. къ ст. 394), подвѣдя подъ понятіе подчиненныхъ лицъ временно обязанныхъ крестьянъ въ отношеніи помѣщика, на землѣ коего они водворены. Сенатъ со своей стороны распространилъ примѣненіе ст. 395 и на случаи оскорбленія учащимися въ учебномъ заведеніи начальника того же заведенія. Расширять еще болѣе случаи примѣненія ст. 395 и относить, вопреки 392 ст., къ подчиненнымъ лицамъ арестантовъ не представляется никакихъ основаній. Поэтому оскорбленіе дѣйствіемъ, нанесенное арестантомъ начальнику тюрьмы при исполненіи послѣднимъ служебныхъ обязанностей, является предусматрѣннымъ не 395 ст., а 285 ст. улож. о нак.

Подписчику № 7.

Имѣетъ ли право крестьянинъ, окончившій университетъ, но не державшій государственнаго экзамена, вновь записаться къ своему и другому мукрестьянскому обществу?

На основаніи ст. 5 и 8 приложенія къ ст. 482 Т. V, уст. прям. налог. лица б. податныхъ состояній исключаются изъ этихъ состояній и изъ оклада не прежде полнаго окончанія курса университета, что, по силѣ ст. 1 приложенія къ ст. 515 (п. 1, примѣч.) Т. IX, зак. сост., изд. 1899 г., наступаетъ съ полученіемъ диплома 1-й или 2-й степени и даетъ такому лицу права личнаго почетнаго гражданства. Выходъ изъ университета безъ диплома влечетъ за собою по упомянутой ст. возвращеніе „въ первобытное званіе“, такимъ образомъ, не окончившій курса съ полученіемъ диплома не имѣетъ ни права ни надобности причисляться къ своему обществу, въ которое онъ возвращается силою самого закона, переходъ же такого лица въ другое общество подчиняется общимъ правиламъ перечисленія крестьянъ изъ одного общества въ другое.

При этомъ № подписчикамъ разсылаются 19 листъ рѣшеній гражд. насс. департ. Прав. Сената.

Списокъ дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ Правительствующемъ Сенатѣ.

На 20 іюля по Судебному Д-ту.

Частныя: О продажѣ, залогѣ и перезалогѣ имѣній: Сапрыкиной; Попова; Стромиллова; Волобуева; Моисеева; Мещерскаго; Боганецъ; Сорокиныхъ; Вверденскаго; Олега; Михайловой; Шмидтъ; Остроумова; Лебедевой; Малитина; Володкевичъ; Полякова; Борисовой; Плисовскихъ; Сондана; Мазуренко; Рыгалова; Васильевыхъ; Макарова; Кубекина; Меньши-

ковой; Козыренко; Лашковой; Дементьева; Голубъ; Цыпляева; Княжевской; Перекалннн; Пятчинна; Столбиной; Киселевой; Блиновой; Ишунина; Вълочеровыхъ; Чернаевскаго; Гилева; Слотвинскаго; Кузнецовыхъ; Макарова; Лукиной; Теленинкой; Сташковыхъ; Дутова; кн. Воронцова; гр. Шувалова; Жабонклицкаго; Вудышева; Лесли; Чебатарева; Быкова; Власовой; Голенищева-Кутузова; объ оспид. умств. способн.; Левичъ; Синебрюховой.

Движеніе по Государственной службѣ.

ПРИКАЗЫ.

По вѣдомству министерства юстиціи.

18-го іюня 1901 года, № 23.

Причисляются: къ мин., согл. прош.: пом. мир. с.: Багин. от., зав. 2 бак. сл. уч., о. бак. о. с. кол. с. Черновъ и Нов. об., зав. дар. сл. мир. уч., о. эр. о. с., кол. с. Пуссепъ, секр. о. с.: либ. кол. ас. Побѣдинскій и тр. кол. секр. Земмерингъ и ст. кан. на дол. по суд. вѣд. при лудк. о. с. кол. с. Теодоровичъ,—съ отк. къ испр. дол. суд. сл.: Черновъ 1 уч., а Пуссепъ—2 уч. кавк. отд., окр. екат. о. с., Побѣдинскій—Газ. у., ок. либ. о. с., Земмерингъ—2 уч. Чел. у., ок. тр. о. с. и Теодоровичъ—3 уч. Влад.-Вол. у., окр. лудк. о. с.

Командируются: прич. къ мин. и ком. къ испр. должи. суд. сл. кавк. от., ок. екат. о. с. 1 уч. кол. ас. Чачиковъ—во 2 уч. лаб. от. и 2 уч. кол. ас. Джемарджидзе—въ 1 уч. екат. от. окр. екат. о. с. и Газ. у., о. либ. о. с. кол. с. Дубровинъ—въ Гроб. у., окр. того же о. с.

Переводится: на сл. пом. бухг. 3 разр. сиб. к. гос. б. губ. с. Дорнъ—въ вѣд. м. ю. съ пр. къ сему м.

Опредѣляется: въ сл. оконч. к. юр. н. въ импер. сиб. ун. съ дин. вт. ст., Сергѣй Богдановъ—въ вѣд. м. ю.,

съ пр. къ оному и съ отк. для зан. въ канц. гр. кас. деп. Пр. Сен.

По Правительствующему Сенату.

Назначаются: секр. при об.-пр. общ. собр. и соед. прис. I и кас. деп. Пр. Сен. т. с. Карминъ, мл. пом. об. секр. т. с. Щегининъ и пр. къ м. ю., ком. для зан. въ канц. озн. деп. Сен. т. с. Якоби: перв.—ст. пом. об.-секр., вт.—секр. при об.-пр. и тр.—мл. пом. об.-с. общ. собр. и соед. пр. I и кас. деп. Пр. Сен. всѣ трое съ 1 мая 1901 г.

Утверждаются: по выб. чл. варш. ком. с. кунцы: Влад. Якобсонъ, Титъ Ковальскій, Ром. Пентка и Евстафій Влодаркевичъ и заст. мѣсто гл. того же о. с. кунцы: Каз. Ясинскій, Іос. Лильонъ и Францъ Порадовскій.

Увольняется: отъ должн. согл. прош. пр. пер. при моск. о. с. Яковъ Невязжскій.

По Московскому архиву мин. Юстиціи.

Назначается: мл. пом. ред. описей и изд. арх. н. с. Шмелевъ—ст. пом. арх. того же арх. съ 12 мая 1901 г.

Переводится: на сл. пом. арх. сиб. конт. госуд. б. кол. ас. Лукьяновъ—мл. пом. ред. описей и изд. моск. арх. м. ю. съ 1 іюня 1901 года.

